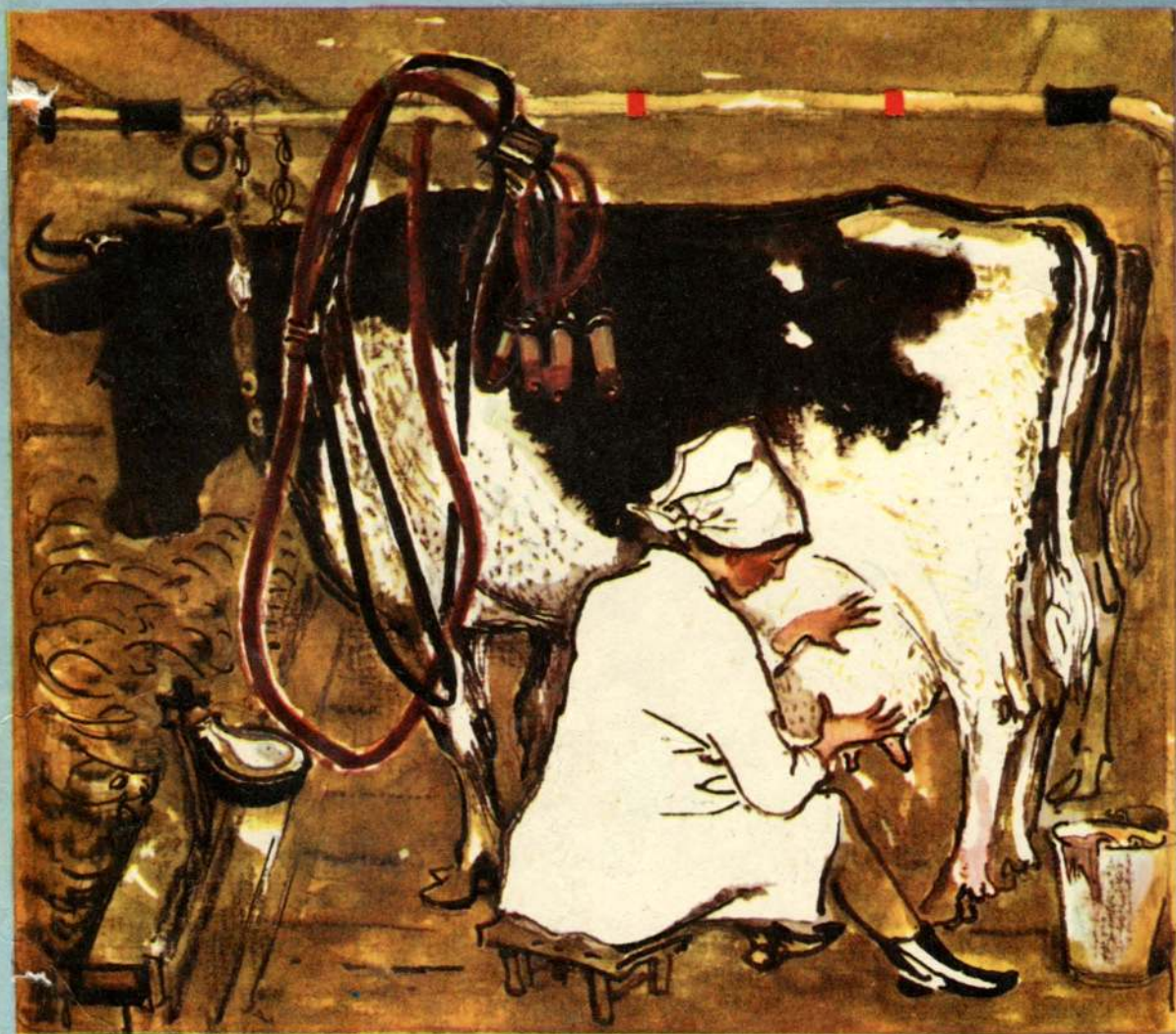

Н. ПОЛЯКОВА

**ЗА ЧТО СПАСИБО
МАМЕ ГОВОРЯТ**

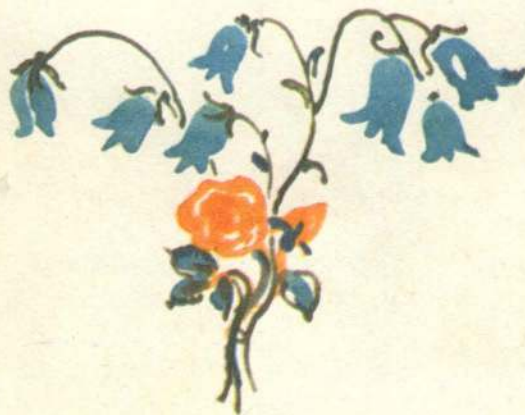
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

Н. ПОЛЯКОВА

За что спасибо маме говорят

*Документальный рассказ
о Герое Социалистического Труда доярке
Нине Игнатьевне Брашкиной*

РИСУНКИ В. ПЕТРОВОЙ

ЛЕНИНГРАД «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1977

Как мама была маленькой

— Мама, ты была маленькой? — спрашивает Таня.

Нина Игнатьевна вытирает полотенцем лицо, руки и выходит из ванной комнаты. Таня не отстаёт от матери, ходит следом за ней.

Таня привыкла к тому, что, когда просыпается утром, мамы уже нет дома. Мама на работе — на скотном дворе.

Потом мама приходит, а у Тани к этому времени накапливается очень много разных вопросов.

— Мама, когда ты была маленькой, ты была такая же, как я? — спрашивает Таня.

— Подожди, доченька, я чай заварю, — говорит Нина Игнатьевна. Она устала, но не хочет показывать своей усталости дочери. И Таня думает, что мама — такая большая и красивая — никогда не устаёт.

Таня и мама пьют чай.

— Ты мне ничего не ответила, — напоминает Таня.

— Вот съешь бутерброд, тогда отвечу, — говорит Нина Игнатьевна. Бутерброд съеден. Чай выпит.

Таня отодвигает чашку. Смотрит на маму. Ждёт.

— Ну, конечно, я была маленькой, — говорит, улыбаясь, Нина Игнатьевна. Таня замечает, что улыбка у Нины Игнатьевны грустная. Это значит, мама вспомнила что-нибудь тяжёлое.

Бабушка Мария Сергеевна всегда говорит Тане и её старшему брату Серёже:

— Хорошо вам жить. Горюшка вы не знаете. Только и думаем, что бы вам вкусенькое приготовить, а родители ваши по-другому росли...

— Ты знаешь, где я родилась, — начинает Нина Игнатьевна, — не в этой деревне, а недалеко отсюда, тоже под Ленинградом. Мне было два года, я уже ходила и говорила, когда мама с папой привезли мне маленькую сестрёнку. Сестрёнка была закутана в одеяло. А когда наступило лето, её разворачивали и в одной распашонке носили по комнате... А потом началась война... Я помню, как пришёл к нам солдат, а оказалось, что это наш папа. Он поднял меня на руки. Шинель у него была колючая... А потом помню лес, густой лес, весь в снегу. Сугробы огромные. Я сижу на санках и прижимаю к себе маленькую сестрёнку. Мама тащит санки за верёвку. Я вижу только

мамину спину. Привезла нас мама к партизанам. Какие-то люди посадили нас к горячей печке... Потом у нас была своя землянка. Мама стала помогать партизанам. Она приносила в землянку узлы белья, штопала, ставила заплатки. А я играла с сестрёнкой Галей. Когда Галя подросла, мама стала уходить. Мы с Галей оставались вдвоём в землянке, а когда потеплело, играли на улице. Конечно, там никакой улицы не было. Был лес, и мы играли в лесу... Однажды мы решили узнать, куда уходит наша мама, и пошли за ней. То, что мы увидели, очень удивило нас. Мама стояла у большого чёрного котла, из которого шёл густой пар, и помешивала длинной ложкой. Оказалось, что мама была поварихой. Мы вертелись у неё под ногами, и мама всё время посылала нас поискать игрушек. Мы не знали, что такое игрушки, и играли сосновыми и еловыми шишками... Потом — это я уже очень хорошо помню — прибегают из леса один партизан и кричит. И в воздух стреляет. Тут все кругом стали кричать: «Ура!» Мы с Галей ничего не понимали, но тоже прыгали и кричали: «Ура!» А из леса прямо к нам шли советские солдаты. Все бросились к ним и стали обниматься, смеяться и плакать. Мама тоже заплакала, посадила нас на чистые опрокинутые котлы, в которых щи да кашу партизанам варила, торопливо пригладила нам волосы ладошкой, платица наши одёрнула.

— Смотрите, смотрите, дочки, — говорила мама, — может быть, папу увидите. Смотрите лучше...

Мы с Галей хлопали в ладоши и кричали:

— Папа! Папа!

Подошёл к нам один солдат. Поднял меня и Галю. Меня на одну руку, Галю на другую. Мы были маленькие и лёгкие. Он прижал нас к себе, и мы думали, что это наш папа. Обхватили его за шею. Потом он достал из кармана два куска сахара и дал один Гале, другой — мне. Мы стали лизать сахар и даже не откусывали, чтобы дольше хватило... Мы же забыли, что такое сахар, а он был такой сладкий!

— Ну, смотрите лучше, где ваш папа! — сказал солдат. И пошёл к своим. И тогда мы поняли, что он не наш папа.

А наш папа так и не вернулся. Он погиб, и мы узнали об этом только после войны.

По тропинке вслед за мамой

— Мама, можно я пойду с тобой, я мешать не буду...

Узенькой ленточкой вьётся тропинка между кустами, то теряется в высокой траве, то снова появляется, взбегают на бугорок, желтеет на солнце. С бугорка далеко видно — и центральную усадьбу, и густой лес за усадьбой, и густой лес впереди, за фермой, и деревни соседние.

Нина Игнатьевна идёт ровным спокойным шагом. Если бы не Таня, она бы села на велосипед и очень быстро доехала. А с Таней приходится идти пешком.

Девочка то забегают вперёд, то отстаёт от матери, то сворачивает с тропинки, чтобы сорвать ромашку, или жёлтый лютик, или лиловый колокольчик.

Но вот и скотный двор. Помещение большое, просторное, с бетонным полом. А там, где стоят коровы, — пол дощатый, чисто вымытый, посыпанный свежими опилками. От опилок пахнет лесом, досками.

Нина Игнатьевна надевает халат, низко повязывает косынку, чтобы закрыть свои густые тёмные волосы, моет руки.

Так готовятся к дойке.

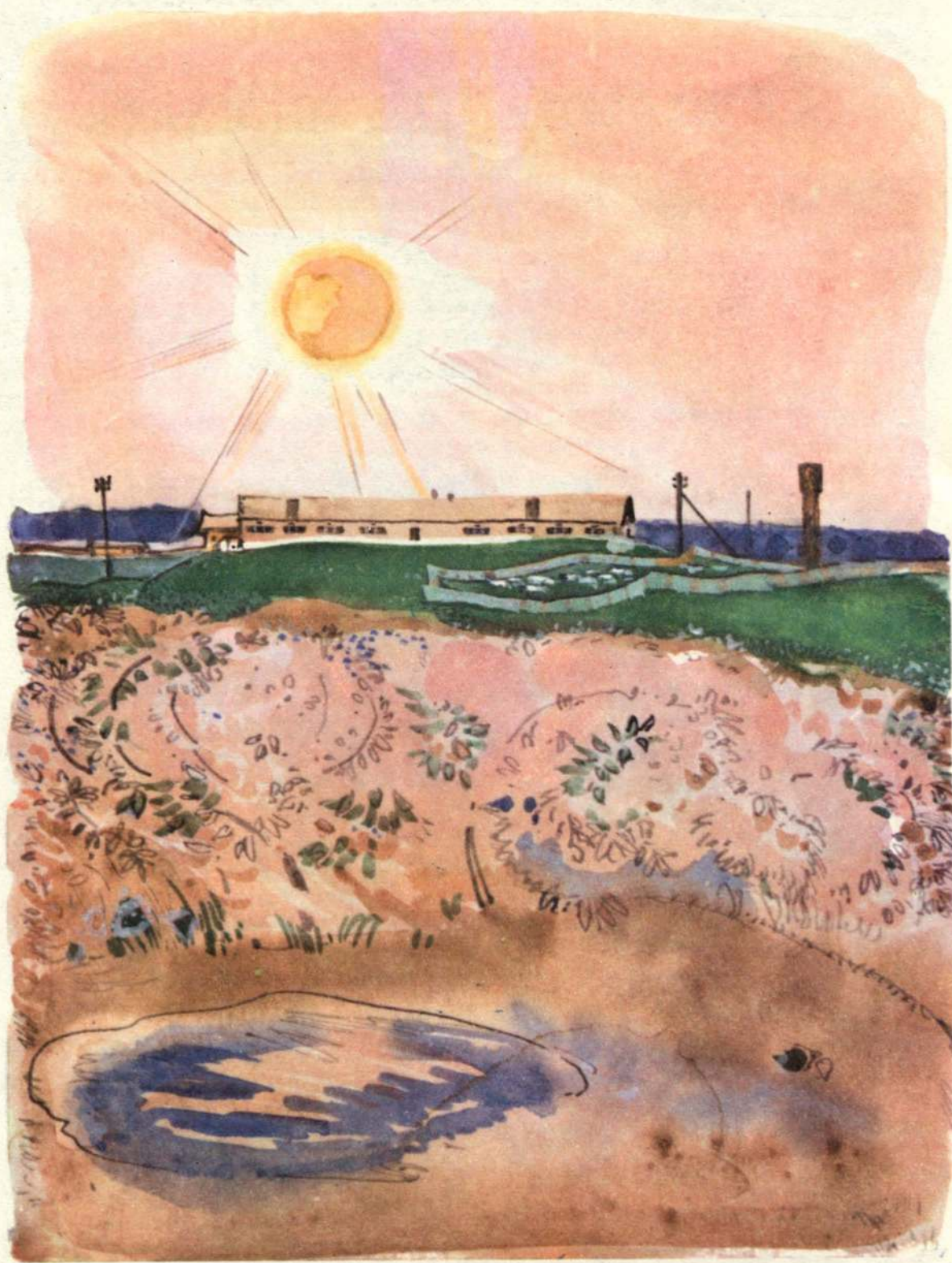
И вот уже слышно — идут с пастбища коровы на дневную дойку.

Таня не боится коров. Но каждый раз сердце у неё замирает, когда прямо на неё идёт огромное рогатое стадо.

Она хорошо знает некоторых маминых коров, но не всех, потому что всех очень много.

Вот и последняя корова медленно, не спеша, заходит в помещение. Позади стада, в широком проёме ворот показывается пастух. Он сидит верхом на лошади и подгоняет коров, чтобы не отставали.

Нина Игнатьевна быстро зачерпывает ведром из огромного ларя комбинированный корм — молотое зерно с витаминами — и засыпает в кормушки. Коровы опускают головы к кормушкам и слизывают комбикорм. Одна слизывает тихо и аккуратно, другая фыркает, третья вздыхает.

Каждая корова стоит в своём стойле, каждая знает своё место. Время от времени они поглядывают на Нину Игнатьевну. Таня знает — они ждут, не дадут ли им ещё какого-нибудь лакомства.

А коровы-то все разные!

Коровы на скотном дворе стоят в два ряда, головами друг к другу: с одной стороны стоят коровы Миши Гурбенкова, с другой — коровы Нины Игнатьевны Брашкиной, Таниной мамы. Над каждой — дощечка с надписью. По надписи можно узнать, как корову зовут.

Таня проходит и запоминает.

Вот Амба. Она стоит с краю. Большая-большая корова. И молока даёт больше всех. Молоком от одной Амбы можно напоить целый детский сад, не только напоить, но ещё и каши для всех наварить. Больше сорока литров в день надаивает Нина Игнатьевна от одной только Амбы! Больше сорока больших бутылок молока!

Таня смотрит на Амбу, корова смотрит на девочку, жуёт и вздыхает. От вздоха Амбы у Тани разлетаются надо лбом лёгкие волосы.

Потом Таня рассматривает корову Барышню, а Барышня — Таню.

Дальше стоят Балалайка, Бела, Тюлька, Чернявка, Рябина, Косуля, Синильга, Ява, Даурия, Тройка, Тина, Азбука, Тесёмка...

С одного края стоит огромная Амба, с другого — молоденькая и совсем небольшая корова Кама.

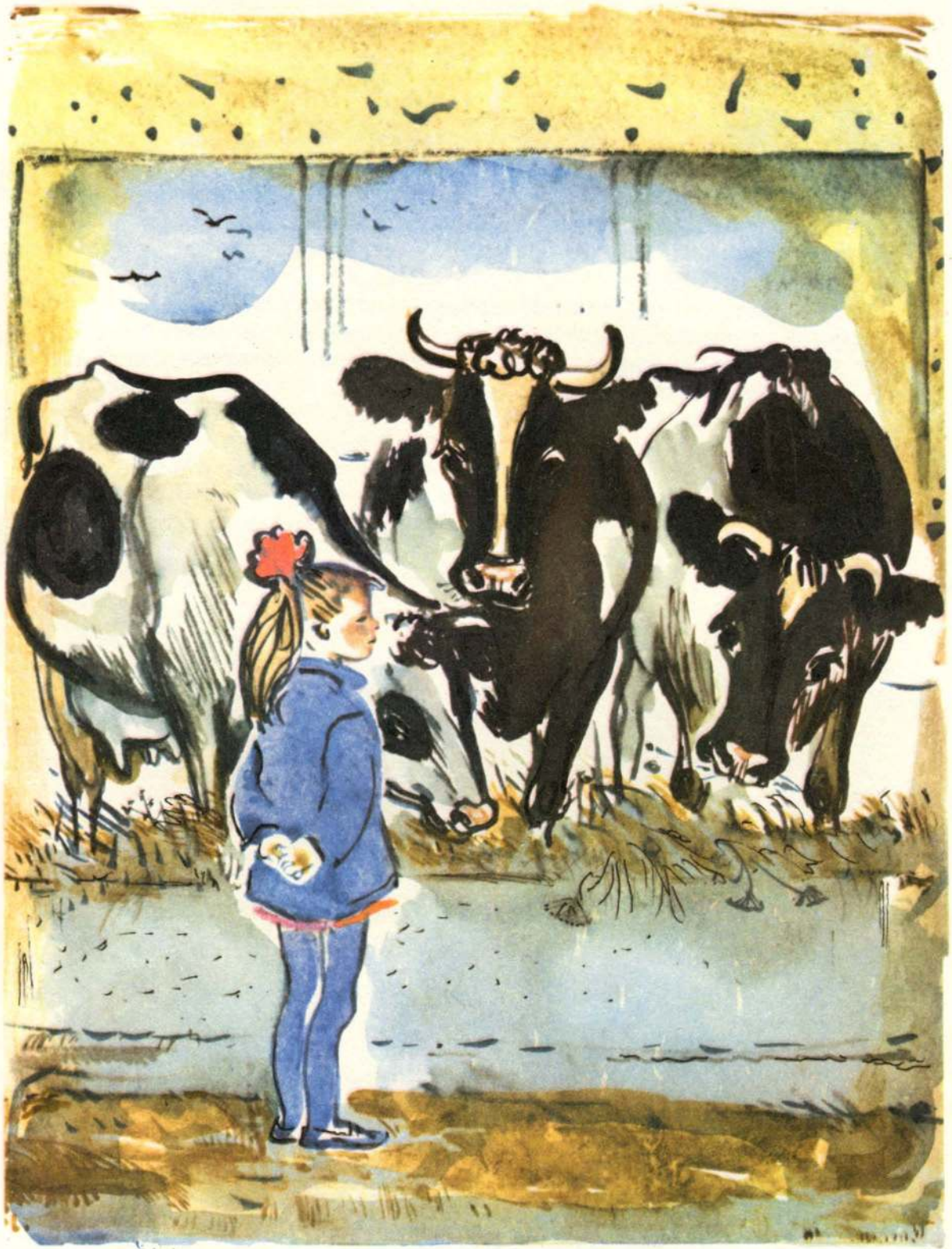
На первый взгляд они кажутся одинаковыми — белые с чёрными пятнами, или чёрные с белыми пятнами. Только у Чернявки чёрного больше, чем белого, а у Барышни белого больше, чем чёрного.

Надписи сделаны для зоотехников, бригадиров, ветеринаров — для всех людей, которые приходят на ферму. А сама Нина Игнатьевна на надписи не смотрит. Она никогда не спутает одну корову с другой. Для неё они совсем разные и несколько друг на друга не похожи.

Пока коровы лижут корм, Нина Игнатьевна уже подготовила ведро тёплой воды, чистое полотенце, ведро для молока и два доильных аппарата. У стены, там, где ей кажется удобнее всего, поставила огромный бидон — молоко сливать.

И началась дойка.

Сначала надо вымыть тёплой водой вымя, вытереть чистым полотенцем, а потом уже подключать аппарат. Сперва доят тех коров, у которых больше всего молока: трудно им держать молоко, и они нетерпеливо поглядывают на доярку. А потом доят тех, у кого молока меньше. Те могут подождать.

У Нины Игнатьевны двадцать две коровы. Она всё делает так быстро и ловко, что Таня не успевает считать, сколько коров подоено и сколько ещё осталось. Таня слушает спокойный ласковый мамин голос.

— Тина, Тина, вставай, ты уже разлеглась поспать, поднимайся, милая. Тяжело тебе молоко держать, сейчас тебя подою, Тиночка...

Тина тяжело вздыхает и послушно поднимается сначала на задние ноги, потом на передние. Она поворачивает голову в сторону Нины Игнатьевны и ждёт.

Только Балалайку Нине Игнатьевне приходится доить руками. Это трудно и долго. Но ничего не поделаешь — приходится. Балалайка повредила себе вымя на пастбище. Пока её лечили, пришлось доить руками. Вот она и привыкла...

Первые маминны коровы

- Мама, можно я подою коровушку, — просит Таня.
- Ты ещё маленькая, не справишься, — говорит Нина Игнатьевна.
- А когда ты стала доить, ты была большая или маленькая?
- Я была маленькая, но тогда время другое было...
- Расскажи, мама... — просит Таня.

...Трудно жилось Марии Сергеевне с маленькими дочками. Но вот однажды пришла в деревню радость: в совхоз пригнали коров! Вместо угнанных на восток, в эвакуацию, пригнали новых чёрнопёстрых коров. Сколько рук надо, чтобы ухаживать за ними! Чтобы накормить, чтобы подоить!

Попросилась Мария Сергеевна в доярки.

— А вы умеете коров доить? — спросили у неё.

Не ждала такого вопроса Мария Сергеевна, не умела она коров доить, но не растерялась и ответила:

— Партизанить я тоже не умела, да научилась. А тогда у меня дочки были совсем маленькими. Теперь мои дочки подросли, помогать будут...

Посмотрел директор совхоза на дочек: маленькие, худенькие.

«Ничего себе помощницы!» — подумал он. Но ничего больше не сказал.

Да и что он мог сказать!

Знал, что людям трудно жилось в послевоенное время.

Так и стали дочки Марии Сергеевны помогать на скотном дворе.

— Давай, Нинушка, давай, Галенька, помогите мне сена да воды принести, мы быстрее и управимся, — подбадривала Мария Сергеевна.

Девочки носили коровам сено, таскали в ведёрке воду с озера. Ведёрко тяжёлое, нести его неудобно: по ногам колотит, ноги водой обливают. Идут-идут, остановятся, отдохнут.

Таких маленьких помощниц тогда много было. В доярки пошли солдатские вдовы. Подросли у них дети, помогали своим мамам... После дойки нальют им по стакану молока — дети рады. И матери рады — детей покормили.

Однажды Мария Сергеевна сказала старшей дочери:

— Вижу, Нина, не терпится тебе научиться коров доить. Ну что ж, садись, попробуй... Сначала хорошенько руки себе вымой, затем

корове вымя вымой и оботри. Всё честь по чести. Как полагается. Вот возьми Чернушку, она спокойная и тебя знает, привыкла к тебе.

Вжик-вжик — зазвенели струйки молока о стенки подойника.

Вжик-вжик — наполняется подойник, пушистая пена горкой поднимается на парном молоке.

В девять лет доила Нина уже четырёх коров. Интересно ей было всё делать, как делали взрослые: платочек повяжет, фартучком платье прикроет.

Мария Сергеевна заказала для дочери специальную скамеечку с высокими ножками. Заказала тайно от неё и поднесла как подарок. Не было у детей дорогих магазинных игрушек. И эта скамеечка была большой радостью для маленькой доярки.

И Галя, младшая дочь Марии Сергеевны, тоже попробовала коров доить. Но ничего у неё не получилось. Расплакалась Галя и на коров рассердилась.

— Не будет из тебя толку на скотном дворе, — сказала Мария Сергеевна, — потому что нет у тебя терпения, старания нет.

— Ну и пусть, — ответила Галя. — Я лучше по дому помогать буду.

Так и не получилось доярки из Гали.

А Нина вставала рано-рано. Ещё солнышко не поднялось. Ещё роса на траве холодная. И трава от росы белая, как будто лёгким снежком присыпана.

Мария Сергеевна на ферму, старшая дочка — за ней. Ни разу не проспала утром, ни разу её не пришлось будить.

Думала Мария Сергеевна, что устанет дочка от школьных уроков, перестанет ходить на ферму.

Но всё получилось иначе: Нина и в школу ходила, и уроки успевала делать, и спать ложилась раньше, чтобы утром до школы успеть на ферму сходить. Всё успевала и от коров не отказалась.

Хорошая помощница была у Марии Сергеевны!

— Вот видишь, мама, тебе бабушка разрешала доить! Можно, и я попробую...

— Ну попробуй, — уступила Нина Игнатьевна.

Таня садится к Балалайке с правой стороны. Вжик-вжик... Вот здорово! Получилось!

Но вот Балалайка забеспокоилась, недовольно посмотрела на девочку.

— Встань, Таня, а то она сейчас молоко разольёт... Она ещё к тебе не привыкла... — говорит Нина Игнатьевна.

Обидно Тане, но ничего, ещё привыкнет к ней капризная Балалайка!

Вот так мама!

— Мама, неужели эта вся квартира нам? — спрашивает Таня. Она ходит по большой пустой квартире. Её шаги гулко отдаются по всем комнатам.

— Да, Таня, эта квартира для нашей семьи, — отвечает Нина Игнатьевна.

— Мама, а правда, такие квартиры и в больших городах?

— Правда, Таня. Всё, как в больших городах. Видишь: и кладовка есть, и паровое отопление, и кухня с газовой плитой, и вода — горячая и холодная. Вот здесь мы поставим холодильник, здесь стол... — говорит Нина Игнатьевна. — Только вот эти обои... Надо бы всё по-другому сделать... Я бы сделала не так.

— А ты можешь сделать по-другому? — удивилась Таня.

Нина Игнатьевна погладила Таню по голове и улыбнулась.

— Конечно, могу.

И Нина Игнатьевна рассказала дочке вот что.

...Пока училась в школе, ходила Нина на скотный двор, помогала коров доить.

— Наверно, я дояркой стану, как ты, — говорила она маме. А Мария Сергеевна вздыхала да головой качала:

— Тяжело, доченька, всю жизнь коров доить. Трудная это работа. Руки по ночам болят. Тебе бы что-нибудь полегче найти, почище...

Окончила Нина восемь классов, и посоветовали ей идти на стройку. Там она стала штукатуром.

Разведёт известку, размешает краски, красит стены, белит потолки, песни поёт.

Хорошая работа, весёлая.

Построишь дом, в него жильцы поселятся. Идёшь вечером — видишь: в окнах свет горит, занавески колышутся. Радуетесь — это ты для людей старалась.

Может, так бы и осталась Нина Игнатьевна на всю жизнь штукатуром.

Стала бы хорошим мастером, ударником. Потому что всё, за что берётся Нина Игнатьевна, у неё получается отлично. Может, так бы и осталась на стройке, если бы не приезжала в совхоз на выходные дни.

Приедет отдохнуть, а сама за Марией Сергеевной на ферму идёт. Увидит коров, похлопает их по гладким бархатным бокам. Узнают её коровы, головы в её сторону поворачивают.

Не выдержит Нина Игнатьевна, побежит в моечную, завернёт рукава, повяжет косынку, вымоет руки, схватит два ведра: одно с тёплой водой, другое пустое — для молока — и к коровам.

Вжик-вжик! Вжик-вжик!

О стенки ударяется струйка со звуком высоким, а в дно бьёт с низким. И получается песенка на две ноты. Вжик-вжик! Вжик-вжик! Вкусно пахнет парное молоко — розовой кашкой, росистой травой, медуницей, иван-чаем. Наполняется ведро до краёв, пузырится на нём лёгкая пена.

Хорошо становится Нине Игнатьевне, радостно. Как будто она снова маленькая девочка, снова маме помогает.

А потом заболит душа. Не хочется на стройку возвращаться. Кажется, что никогда и краски не разводила, и кистью по стенкам не водила, и песен весёлых не пела...

Уезжает из совхоза задумчивая, печальная.

— Что с тобой, дочка? — спросит Мария Сергеевна. А сама подумает: «Это она устала. Не надо было её на ферму пускать».

— Так, мама, ничего. Всё думаю, — ответит Нина.

— О чём тебе думать? Профессия у тебя ладная. Зарабатываешь хорошо. Сама из себя красавица. Жить да радоваться.

Вздохнёт Нина, попрощается, сядет в автобус и уедет. А Мария Сергеевна всё стоит на дороге, смотрит вслед автобусу и никак не может понять: что это такое с дочкой творится?

Однажды приехала Нина в совхоз и больше не уехала.

— Как хочешь, мама, а я здесь остаюсь, — сказала она.

— Не заболела ли? — заволновалась Мария Сергеевна.

— Нет, не заболела.

— Может быть, неприятности какие?

— Нет, никаких неприятностей... Навсегда здесь останусь.

— Не пойму я тебя, Нина, — ответила Мария Сергеевна. — Все в город уезжают. Говорят, что в городе веселей жить. А ты из города в деревню возвращаешься.

— Ты живёшь в деревне, не бежишь в город, — ответила Нина Игнатьевна.

— То я... — вздохнула Мария Сергеевна. — Я ведь не училась столько...

— А я училась — значит, мне в совхозе будет легче работать. И осталась.

А то, что Нине Игнатьевне пришлось на стройке поработать, — в жизни пригодится.

Вот и теперь, когда получили новую квартиру, вспомнила она, как краски разводила, обои наклеивала. Купила по своему вкусу обои и краски, переделалась и принялась за дело.

Сидит Таня на сундучке, удивляется. Ловко получается у мамы.

Раньше Таня думала, что мама умеет только пироги печь да платья шить. Потом увидела, как она коров доит.

А теперь, когда мама стала квартиру украшать и песни петь, просто руками всплеснула:

— Вот так мама!

Как заскучали коровы

— Мама, а коровы умеют скучать? — спрашивает Таня.

— Конечно, — отвечает Нина Игнатьевна. — Если корова привыкнет к человеку, трудно ей потом без своей хозяйки, долго не может к другим людям привыкнуть. Был такой случай...

...Ухаживала Нина Игнатьевна за самыми молодыми коровами, у которых должны были появиться первые телята. Чем лучше за ними ухаживаешь, тем больше потом коровы молока дадут.

И вот стали появляться на свет телята. Теперь коров надо было доить. И пришлось их передавать дояркам. Жалко было Нине Игнатьевне расставаться со своими питомцами. Привыкла к ним, и они к ней привыкли.

Но ничего не поделаешь: надо — значит, надо.

На каждом производстве и в каждом хозяйстве работники подчиняются дисциплине.

Ведь не может сказать рабочий:

— Ах, какую хорошенькую детальку я сделал! Не отдам её в сборочный цех! Оставляю себе!

И не может сказать строитель:

— Ах, какую квартирку я построил! Буду жить в ней сам!

Так никто не говорит. Не полагается. Каждый подчиняется дисциплине, и каждый работает для других людей.

Так и передала Нина Игнатьевна своих питомцев.

Одну корову звали Барышней. Только это была не нынешняя Барышня, а её дальняя родственница. Совсем другая Барышня. И вот эта барышня попала к Марии Сергеевне.

Уж кто-кто, а Мария Сергеевна знала, как к корове подойти, как приласкать её, как ей доброе слово сказать.

Но всё равно Барышня затосковала.

Однажды — это было ранней весной — выпустили коров на прогулку, постояла-постояла Барышня, вытянула шею, понюхала воздух и пошла в ту сторону, где Нина Игнатьевна работала.

Пришла Барышня на своё старое место. Стоит, ждёт, когда подойдёт к ней Нина Игнатьевна.

Заметила её Нина Игнатьевна, подошла, похлопала по гладкому боку, погладила по гладкой морде. Заморгала корова глазами, обрадовалась.

Посолила Нина Игнатьевна кусочек хлебца, протянула Барышне. Хотела Барышня шершавым языком слизнуть кусочек с ладони, но Нина Игнатьевна отступила на шаг. Барышня за ней. Нина Игнатьевна ещё отступила. Барышня — снова за ней. И так — до двери. Решила Нина Игнатьевна вывести Барышню со двора и отвести обратно, туда, где ей полагалось стоять. Поняла Барышня, чего от неё хотят, дошла до двери и остановилась. Стоит, смотрит на Нину Игнатьевну. А сама ни с места. Нина Игнатьевна ей хлеб с солью протягивает, а она отворачивается. Повернулась, обратно во двор пошла.

Вздыхнула Нина Игнатьевна, поняла, что не уйдёт от неё Барышня. А если её силой отвести, то можно корову испортить, молока будет меньше давать, характер у коровы плохой станет.

Что делать?

Поговорила Нина Игнатьевна с матерью, и решили они: надо идти за помощью и советом к бригадиру Петрову.

— Николай Викторович, что мне с Барышней делать? Она маме доить не даётся. Ко мне пришла. Уж я её выманивала, уж я её уговаривала — не уходит.

— Вот тебе раз! — воскликнул бригадир. — Не ожидал я от тебя, Брашкина, этого!

— Да я-то тут при чём? — удивилась Нина Игнатьевна.

— Ты самая первая — при чём, — сказал бригадир Петров. — К другой бы вернулась корова? Нет. А к тебе вот... — И добавил: — А сама как думаешь? Что теперь делать?

— Да Барышню у меня бы оставить, а то ведь корову испортить недолго.

— Вот то-то и оно... — Задумался бригадир Петров. И махнул рукой: — Ну что ж, оставляй!

Хорошей коровой стала Барышня. Не хуже теперешней её дальней родственницы Барышни, не хуже Амбы. Больше сорока литров молока в сутки давала!

А если бы её силой погнали на другой скотный двор, в другой коровник, не стала бы Барышня хорошей коровой, не давала бы столько молока.

Через несколько дней заскучали и другие коровы, которых Нина Игнатьевна знала ещё тёлками. Снова доложили бригадиру Петрову. Развёл он руками и решил: пусть всех их Нина Игнатьевна доит!

Волшебное слово

— А что дальше было, мама? — спрашивает Таня.

— Что ж дальше? Дальше обыкновенно — стали коровы моими. Отвечала я за них. Ухаживала за ними, доила. Много было забот...

— Ну как идут дела? — часто приходил к Нине Игнатьевне бригадир Петров. — Слушаются тебя коровы?

— А как же? Посмотрите сами. — Нина Игнатьевна не хотела хвастаться. А ведь всё, что она могла сказать про своих коров, могло показаться хвастовством. Поэтому она говорила:

— Посмотрите сами!

И бригадир смотрел, как она работает.

— Хорошо у тебя получается, — хвалил он Нину Игнатьевну. — Молодец! Значит, так: сначала массаж делаешь, раздаиваешь коров. Вот и выравниваешь всех коров по лучшим. Тем коровам, которые больше молока дают, я больше корма выпишу.

Ни одна доярка до Нины Игнатьевны не решалась брать всю группу молодых коров. Молодые коровы мало молока дают. План не выполнить. Обычно в группе держали двух-трёх молодых коров, а остальные коровы были старые, раздоенные. А у Нины Игнатьевны — все молодые!

Но в первый же год она надоила от каждой коровы больше пяти тысяч литров!

Это считается рекордом даже для хорошо раздоенных коров. Люди стали говорить о Нине Игнатьевне как о чудеснице.

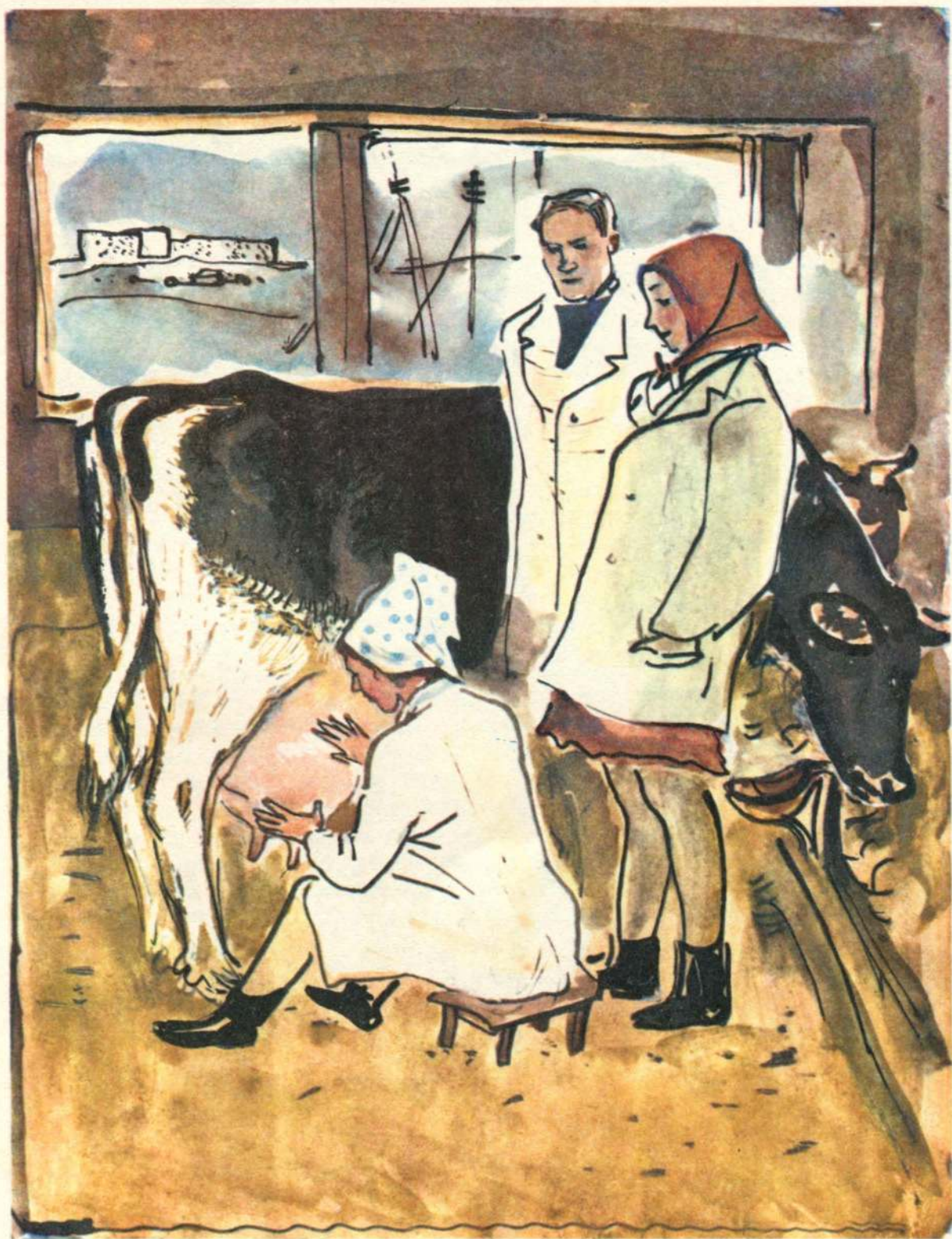
«Почему это у неё так получается? — удивлялись некоторые. — Может быть, ей специально таких коров подобрали?»

Но никто ей специально коров не подбирал.

Стали о Нине Игнатьевне в газетах писать, в пример другим ставить...

А ей тогда трудно приходилось, ой как трудно!

Пока сделает массаж, пока подоит первую корову, а потом одну за другой всех коров подоит, уйдёт несколько часов, и наступает время начинать всё сначала. Снова идти к первой корове, снова делать массаж, доить... Потому что доила она молодых коров по семь — восемь раз в день! Почти из коровника не выходила. Решила добиться своего — и добилась!

Все кругом удивлялись!

А некоторые утверждали:

— Наверно, Брашкина слово такое волшебное знает, никогда ещё не было, чтобы коровы по первому отёлу столько молока давали!

Дошли эти разговоры до бригадира Петрова. Много на своём веку перевидел он и коров разных, и доярок разных. Уж он-то знал, почему у Нины Игнатьевны коровы каждый год молока прибавляют.

Каждому, кто спрашивал про Нину Игнатьевну, он говорил:

— Нет плохих коров, есть плохие доярки!

Кое-кто из доярок обижался сначала. Ведь каждая из них считала себя хорошей. А потом успехи Нины Игнатьевны совсем лишили их покоя, и стали они одна за другой приходить на ферму, где работала Брашкина, стали присматриваться к её работе.

— Раскрывай нам свои секреты! — просили гости.

А Нина Игнатьевна никаких секретов не имела.

— Пожалуйста, смотрите, как я делаю, — говорила она и при всех, кто приходил смотреть на неё, продолжала засыпать корм, или делать массаж, или доить. — Волшебного слова никакого не знаю. А на ласковые не скуплюсь. Любая корова ласковое слово любит. Да ещё — рук своих да времени своего не жалею. Вот и всё.

Слова её казались простыми, понятными. Но повторить то, что делала Брашкина, самым передовым дояркам удалось только через год.

Детский сад для телят

— Мама, можно я пойду на ферму и посмотрю маленького телёночка, — просит Таня.

Быстрее обычного идёт она по тропинке впереди мамы.

Вот и ферма.

Телёнок стоит в загородке из длинных узких дощечек.

Подошла Таня к телёнку, рассматривает его.

У телёнка чёрная голова, чёрные уши, на лбу белое пятнышко, похожее на летящую чайку. А глаза круглые и голубые.

Телёнок таращит глаза, хочет всё кругом рассмотреть. Глаза расставлены широко, далеко один от другого, смотреть неудобно.

Таня гладит телёнка по широкому лбу с завитушкой и белым пятнышком, похожим на чайку; телёнок шевелит ушами, высовывает розовый шершавый язык, пытается лизнуть Танину руку. Таня не отдёргивает ладошку, и телёнок норовит забрать всю ладошку в рот и пососать её, почмокать. Наверно, думает, что это такая большая розовая соска.

Нос у телёнка влажный, чёрный, как будто из чёрной лакированной кожи сделан. Дышит телёнок, ноздри раздувает, на Таню струйки тёплого влажного воздуха выпускает.

Постоял-постоял телёнок и устал. Передние ножки у него подкашиваются, телёнку лечь хочется. Но он упрямый, не ложится. Снова распрямляет свои тоненькие слабенькие ножки и снова к Тане тянется. Девочка ему нравится.

Таня садится на корточки и разговаривает с телёнком через щёлочку между узкими дощечками клетки. Теперь телёнку не надо вверх тянуться, он тычется лбом в дощечки и между ними язык высовывает, Таню лизнуть хочет.

— Напой телёнка, Таня, — говорит Нина Игнатьевна и протягивает Тане ведро с парным молоком.

Таня заглядывает в ведёрко.

— Тут много, мама, — говорит она.

— Не много, не много, всего два литра, сколько ему полагается.

«Ничего себе, — думает Таня. — Только-только на свет появился, а уже два литра молока сразу выпивает. Утром, днём и вечером по два литра. Сколько же это получается? Два прибавить два и ещё два. Целых шесть литров в день! Вот так крошечка!»

Таня ставит ведро в клетку перед телёнком. Он сначала не понимает, что надо делать, смотрит на Таню вытаращенными голубыми глазами. Таня наклоняет его голову к ведру. Телёнок чувствует тёплый парной запах и начинает пить, громко чавкая и причмокивая.

Молоко кончилось, а у телёнка ещё вся голова в ведёрке. Хочет Таня отнять ведёрко, а телёнок не отдаёт!

— Мама, — кричит Таня, — ему молока мало!

— Не мало, не мало, — подходит Нина Игнатьевна, — больше ему нельзя. Он ещё маленький.

На второй день появился второй телёнок, затем третий, четвёртый, пятый. Десять маленьких загоронок-клеток стоят на ферме. Десять телят ждут своей порции молока три раза в день.

Одной Тане уже не справиться со всеми. Тогда Нине Игнатьевне приходит на помощь старший сын Серёжа. Он уже совсем большой, его уже в пионеры приняли.

Десять дней стоят телята в коровнике. Это похоже на детские ясли. Только каждый малыш стоит отдельно. Они же ещё такие глупые, у них ещё ножки подкашиваются, могут задавить один другого.

Через десять дней их переводят в телятник. Там они и растут, пока не станут взрослыми.

Это — детский сад для телят.

Жужжит, а не кусает

— Мама, — говорит Таня, — помнишь, ты рассказывала, что всех коров руками доили. И трудно было. А когда стали доить машинами, — легче стало?

— Конечно, легче! Только это не так просто далось и нам и коровам. И те и другие помучились...

...Однажды подходит она к ферме и слышит громкие голоса: кто-то с кем-то ссорится. Прибавила Нина Игнатьевна шагу, торопится, скорей-скорей, надо узнать, что такое случилось.

Коровы не любят, когда люди ссорятся, не любят громкие голоса.

Входит Нина Игнатьевна на скотный двор и не может понять: что же тут произошло? Машут женщины руками, кричат:

— Не буду!

— И я не буду!

— Как делала, так и делать буду!

Огляделась Нина Игнатьевна и увидела: разбросаны доильные аппараты.

Давно доярки ждали машинной дойки. И вот дождались. Дождались — и поссорились из-за неё.

— В чём же дело? — спросила Нина Игнатьевна у одной доярки, которая стояла поближе.

— В чём, в чём! — ответил та. — Да в том, что включили аппараты, а коровы испугались, сбесились. Не подпускают.

— Надо с ними поговорить, подготовить их, — спокойно сказала Нина Игнатьевна.

Не поняла доярка, с кем поговорить надо: подумала, что с бригадиром и зоотехником.

— Так вот — побежали за ними.

— За кем? — теперь не поняла Нина Игнатьевна.

— За начальством...

— Не с начальством надо говорить, а с коровами... — сказала Нина Игнатьевна.

— Ты что? — всплеснула она руками. — Да что они понимают? Ох, насмешила!

— А зачем нам звать бригадира и зоотехника? Ведь они же давно нам всё объяснили, как подключать, как доить машиной. А коров подготовить надо.

— Да как ты её, рогатую, подготовишь? Вот смотри, я к ней с этой штукой подхожу, а она пьтится, смотрит косо. А вот, смотри, — включаю... — И доярка включила аппарат.

Корова вздрогнула и — р-раз! — сбילה аппарат.

— Наверно, не так надо, по-другому... — задумалась Нина Игнатъевна.

— А как по другому?

— Я ещё сама не знаю. Надо подумать.

И действительно, никакими инструкциями не было предусмотрено, как приучать коров к машинной дойке. Это доярки сами должны решать. Они своих коров знают лучше, чем те люди, которые машинную дойку придумали.

Подошла Нина Игнатъевна к самой спокойной корове. Назвала её ласковым именем, погладила. И тут же аппарат включила. Корова вздрогнула и в сторону дёрнулась.

— Что-то не так. Надо попробовать по-другому...

«А что? — думала Нина Игнатъевна. — А ну-ка, сделаю так...»

— Ах ты, моя милая, — сказала она корове, — давай-ка я тебя руками буду доить по-прежнему, а аппарат пусть в углу пожужжит.

Отнесла аппарат в самый дальний угол. Включённый аппарат жужжит в углу, а Нина Игнатъевна руками доит.

Косится корова на непонятную жужжалку, а молоко даёт.

Подоила Нина Игнатъевна одну, затем вторую, третью корову. Аппарат всё жужжит. На второй дойке — так же. На третьей — то же самое.

Через день аппарат уже поближе поставила. И опять руками доит. Через два дня ещё поближе поднесла включённый аппарат.

Слышат коровы — что-то жужжит, но ничего необычного и страшного с ними не происходит.

Всё идёт по-прежнему.

Постепенно привыкли к жужжалке. Перестали её бояться. В самом деле, чего её бояться: пожужжит-пожужжит — перестанет. Не шмель, не овод — не кусает, а только жужжит.

Тогда совсем близко к коровам поставила Нина Игнатъевна аппарат. Привыкли коровы к жужжанью. Не вздрагивают, не пугаются. Молоко отдают. Привыкли.

И тогда решила Нина Игнатъевна подключить аппарат к вымени. С ласковым приговором тёплой водой вымя вымыла и — подключила аппарат.

И не сразу корова поняла, что произошло. Повернула голову, смотрит на Нину Игнатъевну. А она гладит корову, уговаривает — мол, ну вот и всё, ничего страшного.

И приучила всех коров к машинной дойке.

Так и другие доярки сделали.

Спасите Гитару!

— Беда случилась, дочка, — сказала, вернувшись с фермы, Нина Игнатьевна.

— Какая беда? — спросила Таня.

— Гитара жвачку потеряла.

Таня знала, что Гитара — это любимая мамина корова. А вот как она потеряла жвачку, Таня не знала. Сколько девочка жила на свете, ещё никогда ни одна корова не теряла жвачку. Здоровая корова должна всё время жевать. Если корова перестаёт жевать, значит, она заболела. Очень редко это бывает с коровами, за которыми хорошо ухаживают. А уж если случилась такая беда, нельзя терять времени.

Пошла Нина Игнатьевна в контору, к телефону. Никто у неё ничего спросить не успел. Все сразу поняли, что беда случилась. Затихли все кругом. Бухгалтер перестал на счётах щёлкать, экономист перестал арифмометр крутить. Молча на Нину Игнатьевну смотрят.

— Это Зыбина? — говорит Нина Игнатьевна в трубку. — Алло! Людмила Васильевна, с Гитарой беда случилась. Жвачку потеряла. Глаза больные, мутные. Не ест ничего. Спасать надо Гитару! — Голос у Нины Игнатьевны тревожный.

На другом конце провода — ветеринарный врач Людмила Васильевна Зыбина. Всё поняла Людмила Васильевна. И что-то сказала.

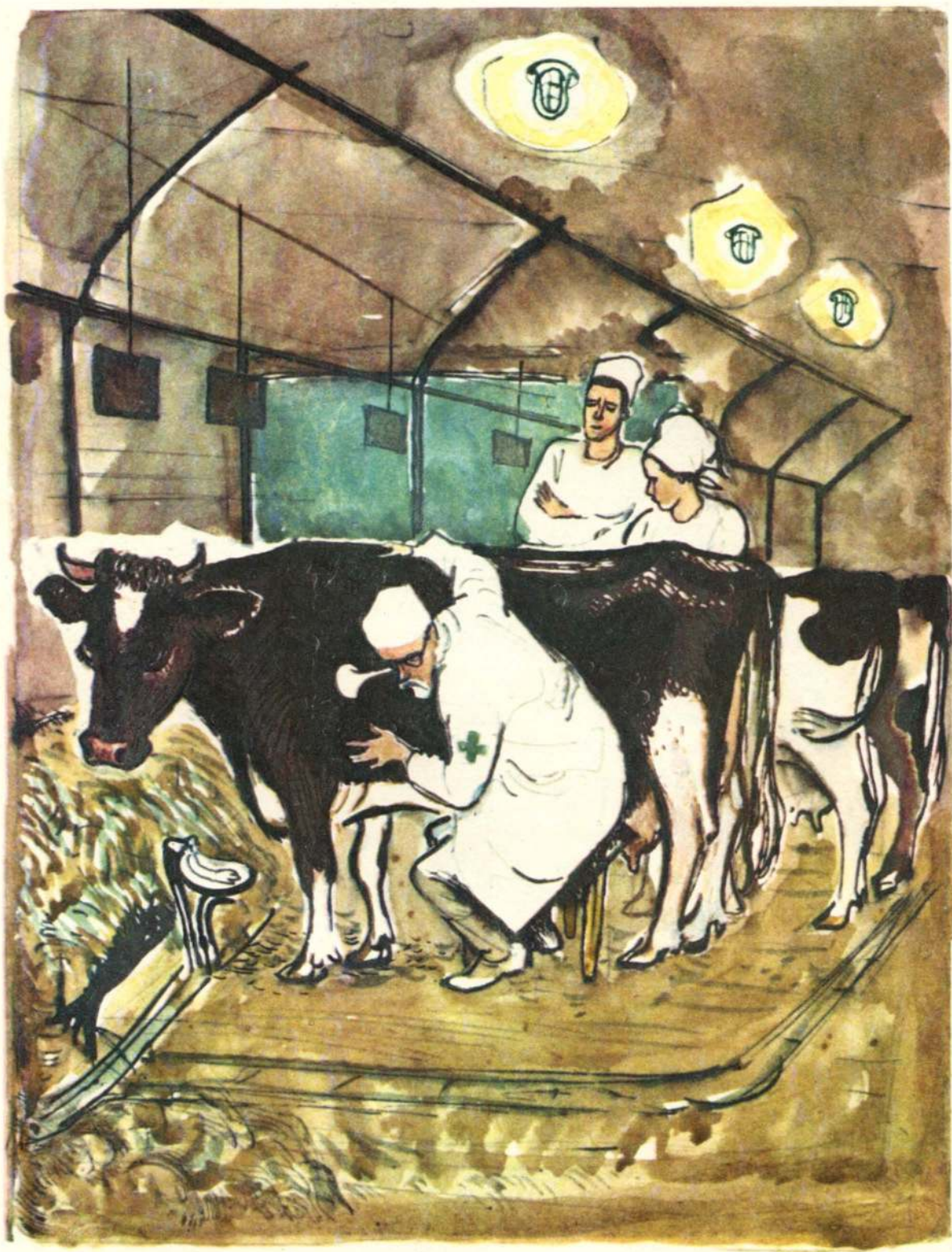
— Когда? — переспросила Нина Игнатьевна. — Вот хорошо, жду, приезжайте.

Значит, ветеринарный врач Зыбина сейчас приедет. Значит, Нина Игнатьевна, Танина мама, снова пойдёт на ферму. А Таня — за ней. Торопится Нина Игнатьевна, торопится Таня — отставать не хочет. Жалко Тане Гитару. Хочет Таня посмотреть, как будут спасать Гитару.

Только подошли к ферме, видят — приехала на машине Зыбина. В белом халате, в белой шапочке. Быстро пошли Нина Игнатьевна и врач Зыбина во двор, к Гитаре. Таня тихо-тихо, совсем не слышно, пошла за ними.

Осмотрела Людмила Васильевна Гитару, прослушала её. Лицо у врача стало озабоченное, серьёзное.

— Думаю, что на пастбище она какую-нибудь железку или гвоздь проглотила вместе с травой. Такое с коровами иногда бывает.

— Что же делать-то теперь? — спросила Нина Игнатьевна, а сама губы кусает, побледнела.

— Будем спасать Гитару. Срочно вызову из Ленинграда специалистов... — ответила ветеринарный врач Зыбина.

И срочно вызвала специалистов.

Приехали два учёных профессора — один пожилой, похожий на доктора Айболита, другой совсем молодой. Надели профессора белые халаты, белые шапочки. Вымыли руки с мылом. Стали стучать по коровьим бокам, стетоскоп прикладывать.

Один послушает, потом второй послушает. Что-то скажут друг другу на непонятном языке, на котором только врачи разговаривают. Переглянутся и опять послушают.

А Нина Игнатьевна рядом стоит. Руки сжала так, что пальцы побелели. Ждёт, что ей учёные профессора скажут.

— Да, Людмила Васильевна, вы правы. Ваш диагноз подтверждается. Какой-то инородный предмет, скорее всего гвоздь, у самого сердца. Ещё бы немножко — и погибла бы Гитара. Раз корова хорошая, попробуем сделать операцию и удалить гвоздь, — сказал старый профессор.

— Да, да, Гитара очень хорошая. Умная, ласковая, много молока даёт, — вместо Людмилы Васильевны быстро ответила Нина Игнатьевна. — Спасите, спасите Гитару...

Улыбнулся старый профессор, похожий на доктора Айболита. Склонил голову к правому плечу — посмотрел на Нину Игнатьевну, потом склонил голову к левому плечу — и снова посмотрел. Как будто только что увидел. Или до этого он в самом деле не замечал её? А теперь заметил и понял, что она Гитарина хозяйка.

После этого такое началось!

Прибежали плотники, по чертежу, который им дал молодой профессор, построили специальное стойло. Нина Игнатьевна вместе с ветеринарным врачом Зыбиной дезинфекцию в скотном дворе сделали. А Гитару вымыли с мылом от рогов до хвоста и вытерли насухо.

Учёные профессора инструмент прокипятители, резиновые перчатки надели, марлевыми масками лица закрыли.

Всё сделали так, как полагается делать при настоящих операциях в настоящих операционных.

Вывели чистую-пречистую Гитару, поставили в специальное стойло. Привязали специальными широкими ремнями.

Стоит Гитара: красивая, чистая и печальная. Гладит её по морде Нина Игнатьевна и чуть не плачет. Видит — у Гитары тоже слёзы из глаз катятся. Плачет Гитара. Понимает Гитара, что что-то серьёзное готовится. Но не беспокоится, головой не машет, не вырывается. Чувствует привычную ласку — и верит: всё обойдётся.

Больше часа делали Гитаре операцию. Магнитным зондом вытащили из неё гвоздь. Посмотрели на гвоздь, а он уже весь ржавый. Пошарили-пошарили ещё магнитным зондом — и вытащили какие-то проволоочки, которые Гитара съела, приняв их за крепкие стельки. Ещё пошарили зондом — ничего не нашли. Значит, всё вытащили.

Зашили надрез на животе. Наложили повязку.

Сняли профессора марлевые маски с лица, резиновые перчатки с рук. Устали оба — и старый и молодой. У того и у другого пот по лицу катится.

Никого из посторонних не пустили на ферму, кроме бригадира Петрова. Да какой же он посторонний? Он свой человек! А Таня у ворот стояла, в щёлочку смотрела. Её и не заметили.

Уехали учёные профессора, а Гитару ещё долго пришлось держать в специальном стойле. Ей каждый день уколы делали и всякое разное лекарство вводили большим шприцем. Это для того, чтобы Гитара скорее поправилась. И витамины ей давали. И глюкозу.

Появилась у Гитары жвачка. Стала она хорошо есть и совсем здоровой сделалась.

Спасли Гитару!

Мишин талант

— Мама, Миша может тебя обогнать? Быстрее тебя все дела делать? — спрашивает Таня.

— Конечно, может, — улыбается Нина Игнатьевна.

— А почему? — не унимается Таня.

— Потому что мы соревнуемся, кто лучше будет работать, у кого коровы больше молока дадут. У Миши талант такой — за коровами ухаживать. Работаем мы рядом, секретов в работе не имеем...

...Если придёт на ферму новый человек, посмотрит, как работают Нина Игнатьевна и Миша Гурбенков, удивится: так они друг перед другом стараются!

Миша совсем молодой, но не хочет отставать от опытной доярки Нины Игнатьевны. За годы работы под одной крышей он очень многому у неё научился.

А Нина Игнатьевна не хочет отставать от Миши. Вот они и соревнуются: кто лучше своё дело сделает.

Миша, как и Нина Игнатьевна в детстве, ещё в школу ходил, был совсем маленьким, а коров любил, на ферму бегал. На ферме его родители работали.

Прибежит после школы, поможет корм раздать, поздоровается с каждой коровой.

— Ну что за чудак растёт! — говорила Мишина мама. — Шёл бы на улицу, бегал бы с мальчишками. Чего ты на скотном дворе не видел.

Миша обижался, когда его гнали гулять. Чего там на улице он не видел? Всё одно и то же. А тут, на ферме, новый телёночек появился, как большая плюшевая игрушка. Тянется к тебе языком, а у самого ножки подкашиваются. «Му-му! Давай бодаться!» — говорит Миша. А телёнок смотрит и не понимает, почему мальчик стоит на четвереньках, лбом клетку толкает. «Смешной мальчик!» — наверно, думает телёнок. «До чего маленький и глупый, бодаться не умеет!» — думает о телёнке мальчик.

— У других дети как дети: из фанеры вырезают, по улице с палками носятся. А у меня только в коровник бежит, — сокрушалась Мишина мама.

— Может быть, у него талант такой, — сказал однажды бригадир Петров.

— Вот уж скажете! — удивилась Мишина мать. — Какой ещё талант нужен коров доить?

— Талант во всём нужен! — уверенно сказал бригадир Петров.

С нетерпением ждал Миша, когда школу окончит. Многие мальчики, с которыми он учился, в город поехали, в разные училища поступили. А Миша никуда не поехал. Дома остался.

И стал Миша коров доить. Хорошо стал работать Миша, быстро, точно. Коров своих любил, а коровы его любили.

Пришло Мише время в армию идти. Попрощался он со своими коровами и уехал.

— После армии ваш Михаил не вернётся в совхоз. Приживётся в большом городе, — говорили соседки Мишиной матери.

— Пусть живёт, как хочет, — отвечала Мишина мать. — Силой нигде не удержишь.

Но после армии Миша вернулся домой и сразу побежал здороваться со своими коровами. Узнали Мишу коровы, обрадовались.

Увидел его на ферме бригадир Петров и сказал:

— Талант у Миши, сразу видно — талант...

Так и остался Миша на ферме.

Дела у него идут хорошо. Коровы много молока дают. За хорошую работу его избрали депутатом Гатчинского районного Совета. Наградили орденом Красного Знамени. В праздничные дни надевает Миша и орден, и медаль лауреата премии Ленинского Комсомола, и почётный знак «Золотой колос». А дома в коробочках лежат две бронзовые медали Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства.

Вот какой Миша Гурбенков!

Такой уж талант у Миши.

Похищение Нельки

— Мама, а у тебя тоже талант? — спрашивает Таня.

Нина Игнатьевна улыбается, пожимает плечами и ничего не отвечает.

— Конечно, тоже талант, — продолжает Таня. — Ты же с детства к коровам ходила и любила их... — Но видя, что Нина Игнатьевна не хочет разговаривать на эту тему, переводит разговор на другое: — Мама, почему это, когда Мише про Нельку скажут, он сердится?

...Была у Миши любимая корова Нелька. Знал Миша её ещё телёночком-несмышлёночком. На Мишиных глазах, при Мишином уходе выросла Нелька, превратилась в большую красивую корову. И рожки у неё аккуратненькие, и голова маленькая. И тело крупное. И вымя большое. Всё это очень важно для породистых коров.

Случилось так, что не понравился Миша какой-то доярке. То ей покажется, что он быстро работает, чтобы её обогнать, то ей покажется, что он корма больше, чем нужно, взял и её коровам теперь не хватит. Стала она придирается к Мише: и то не так, и другое не так.

Стала другим дояркам о Мише всякие небылицы рассказывать. Кто головой покачает, засомневается в её словах, а кто и поверит. Люди-то ведь разные. Тому, что у Миши талант такой, не все верили. Думали, что он пошёл в дояры с каким-то особенным умыслом. А какой может быть умысел особый в тяжёлой работе? Никакого.

Трудно стало Мише работать под недобрыми взглядами. Пришёл он однажды к бригадир Петрову и попросил, чтобы его перевели на другой двор.

Внимательно выслушал его бригадир Петров и сказал:

— Хорошо, переведу. — Подумал и назвал двор недалеко от того, в котором Миша работал. — Вот с завтрашнего дня и переходи.

— А нельзя ли перевести со мной и моих коров? — спросил Миша.

— Что ты! Конечно, нет!

— Ну хоть не всех, а только нескольких... — не унимался Миша.

— Ни одной коровы нельзя, — резко сказал бригадир Петров. — Каждая корова приписана к определённом двору.

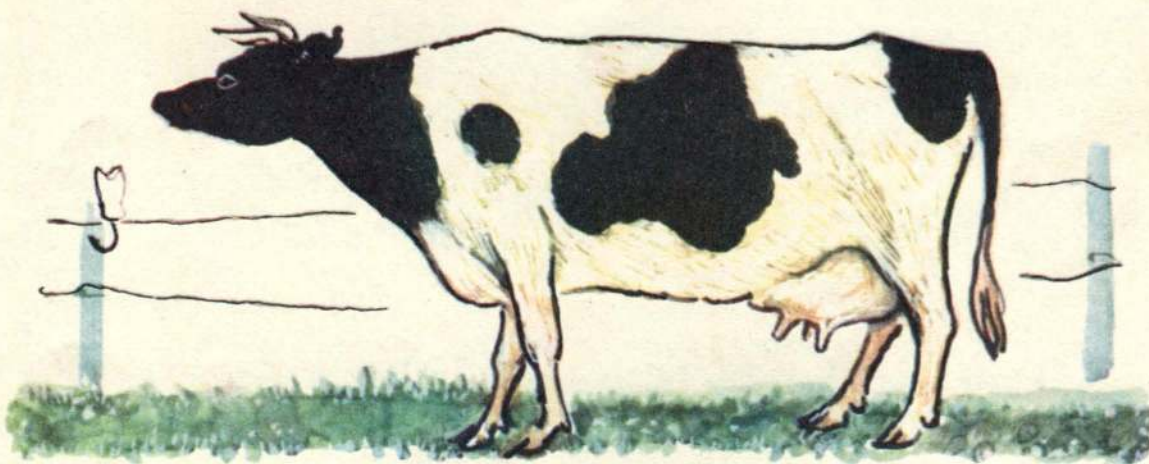
— Хорошо, — сказал Миша, а сам расстроился.

И решил он прийти на ферму вечером, когда там никого, кроме скотника, не будет, и попрощаться с каждой своей любимицей.

Чувствуют коровы, что Миша расстроен, смотрят на него, вздыхают. А у самой любимой коровы — Нельки — слёзы из глаз потекли.

Наклонился Миша к Нелькиной голове, прошептал на ухо: «До свиданья, Нелинька!» — и пошёл к выходу... А Нелька — за ним.

— Ну куда ты идёшь? Стой на месте! — говорит Миша тихо, чтобы скотник не услышал. Но двор большой, скотник далеко от Миши, своими делами занят.

Нелька не послушалась Миши — идёт за ним, и всё...

На другой день утром пришли доярки на ферму, видят: Нельки нет. Спрашивают у скотника — где Нелька? Трясёт скотник головой, разводит руками: не видел, не слышал.

— Проспал корову, соня! — закричали доярки.

— Может, и вздремнул чуток, — согласился скотник. — Ночь-то велика. Но не мертвецки спал. Ищите лучше. Тут она.

— Корова не иголка! — закричала одна доярка. — Не могла зава-
литься в щёлку!

— Корова не горошина! — закричала другая доярка. — Не могла
закатиться в уголок!

А Нелька ушла за Мишей на другой двор. И ничего не мог Миша
с ней поделать. Ведь любое животное — и кошку, и собаку, и лошадь,
и корову — не будешь палкой бить, чтобы за тобой не шло. Идёт,
и всё. Так и Нелька ушла.

Не за верёвку Миша Нельку увёл, не кусочком хлеба с солью ма-
нил за собой, просто на ласковое слово ушла корова.

На новом скотном дворе поставил Миша Нельку в стойло. Домой
пришёл, спать лёг. Рано утром вскочил, вспомнил про Нельку, раньше
всех прибежал на ферму. Стоит Нелька, на дверь поглядывает, его
дожидается.

Услышал Миша голоса доярок, понял, что ему грозит большая не-
приятность. Но не вышел, ничего не сказал им. «Будь что будет!» —
решил он и стал быстро-быстро задавать корм и доить всех коров,
которых за ним закрепили на новом дворе.

Только начал Миша Нельку доить, как входит во двор бригадир
Петров.

— Так и знал! Ну что мне с тобой делать, а? Верни корову по-
хорошему. Сам верни, а то силой уведём...

— Не верну, — заупрямился Миша. — Она сама за мной пошла.
И опять за мной уйдёт.

Так и не вернул Миша Нельку. Бригадир к этому разговору больше
не возвращался. А Нелька, любимая Нелька, из-за которой столько
шуму и неприятностей было, так и осталась у Миши.

И скотника не наказали.

Поняли, что Миша у кого угодно может из-под носа корову увести,
свою любимую, которую с телёночного возраста знал.

Коровье меню

Наступила зима.

Все поля и овраги занесло снегом. Блестит снег на солнце до того, что глазам больно. Чистый снег, сверкающий.

Все ложбинки, все овражки занесло. Замёрзла речка Ижора, которая отделяет центральную усадьбу от фермы.

Поднялась ночью метель, замела все тропинки. И ту тропинку замела, по которой доярки на скотный двор ходят.

Но вот идёт от центральной усадьбы к ферме первый человек. Он торит первую тропинку. Сначала это даже не тропинка, а просто глубокие следы. Глубокие следы в глубоком утреннем снегу. По этим следам идут другие люди — второй человек, третий, четвёртый...

Из отдельных следов образуется тропинка между сугробами. Три раза проходят здесь доярки на ферму и обратно.

К вечеру тропинка утоптанная, твёрдая, крепкая. Блестящей голубой ленточкой тянется она между сугробами.

Зимой трудно вставать рано-рано. А надо. Коровы ждут своих хозяек, есть хотят. Зимой доярка не только доит коров, но и кормит их. Коровам дают сено, сенаж, силос, всякие овощи, комбинированные корма.

А в полдень коров выводят погулять. Дышат коровы морозным воздухом, щурятся от солнца. Лизнут снежок языком, попробуют: что это такое, какого вкуса?

Погуляют — у них аппетит становится лучше. А раз аппетит лучше, значит, больше молока дадут.

Казалось бы, простое дело — кормление коров, а вот ведь и его надо проводить по-научному. Если относиться к этому спустя рукава, никакого толку не получится.

Придут коровы с прогулки, станут на свои места и сразу головы к кормушкам опускают. А в кормушках уже вкусный обед приготовлен.

Топорщится хрустящее сено.

Вот в нём мелькнула пушистая головка розовой кашки, жёлтый глазок с белыми ресничками — это ромашка, а вот колокольчик, а вот цветочки земляники. Попал кустик земляники под косилку, и его скосили и высушили.

Ароматное сено, само в рот просится.

Насыплет Нина Игнатьевна сена да ещё польёт его патокой. Получается сладкий ароматный салат.

Когда льётся патока, высовывают коровы свои шершавые языки и ловят языками струйку. Такие сладёны!

Любят коровы вкусные брикеты — сенаж.

Влажная свежая трава посыпана крупной солью и утрамбована, спрессована специальным трактором.

А ещё коровам часто дают овощной салат из брюквы, свёклы, репки, моркови.

Вот какое коровье меню!

Коровьи характеры

— Мама, почему Барышня на своё место не идёт? — спрашивает Таня и смотрит на Барышню.

Барышня, белая с небольшими чёрными пятнами, крупная, видная корова, услышав голос девочки, чуть пошевелила ушами.

Скосила глаз в сторону Тани. Будто усмехнулась: не твоё дело, девочка! И дальше пошла.

Кормушка у Барышни оказалась пустой. Вот и пошла Барышня чужие кормушки проверять. Может быть, только ей, Барышне, не дали вкусного молотого зерна, а другим дали?

Прошла по всему ряду, все кормушки проверила. Пусто. Повернула назад и на обратном пути проверила кормушки у Мишиных коров: тоже пусто.

Не поняла Барышня, что сегодня не привезли любимое молотое зерно. Подумала, что Нина Игнатьевна и Миша просто поленились засыпать его.

Пошла проверять в огромных ящиках, где запасы хранятся, нет ли там.

Сбросила рогами фанерную покрышку, опустила голову до самого дна — пусто. Пошла к Мишиному ящику, сбросила покрышку, и там тоже — пусто.

Постояла, подумала, тяжело вздохнула. Медленно пошла на своё место.

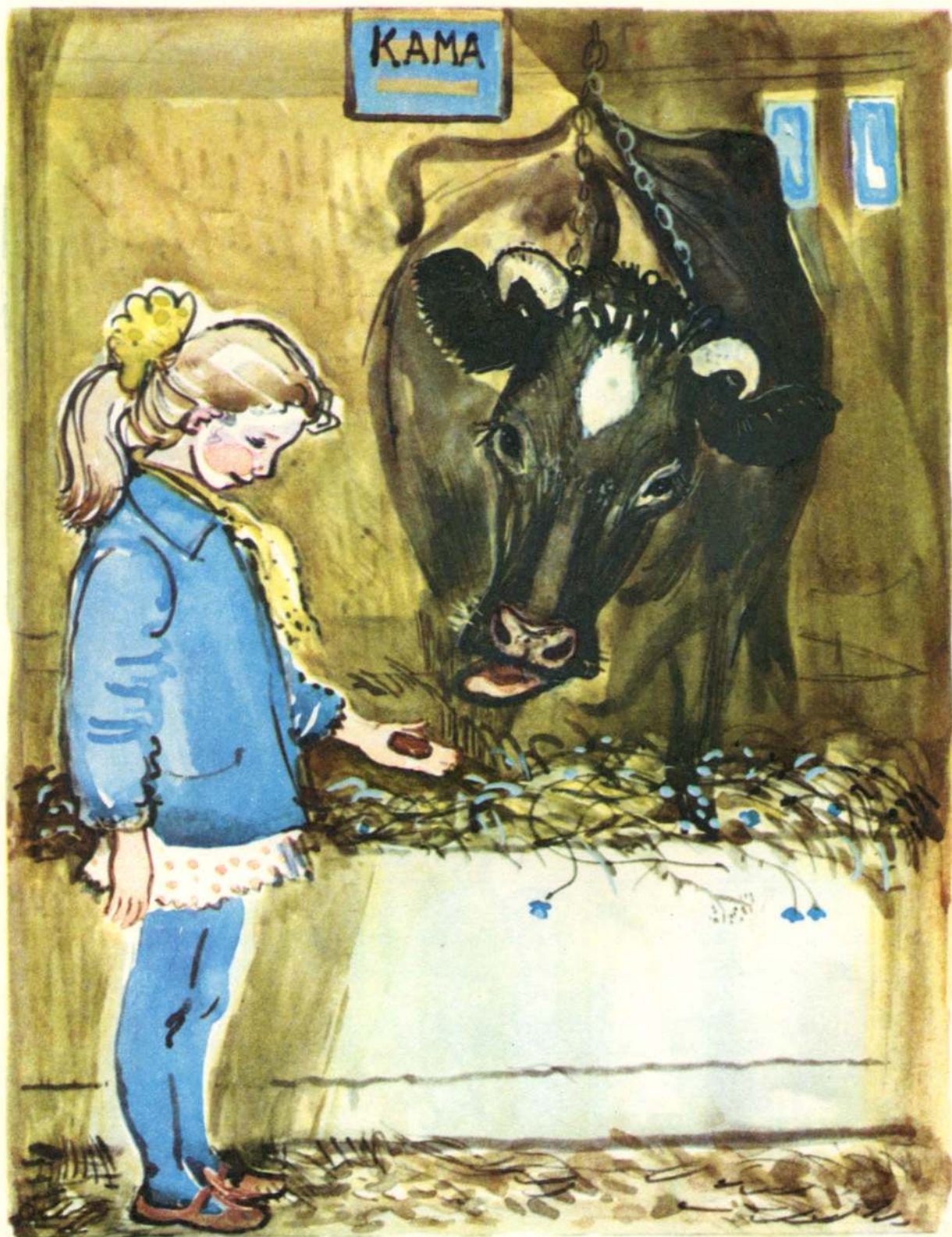
— Ну, Барышня, убедилась, что сегодня не привезли зерно? — спросила Нина Игнатьевна. — Вот уж, Барышня, настоящий ты контролёр! Ничего от тебя не спрячешь, всё тебе знать надо!

— Мама, а ты не разрешай ей ходить по двору, — советует Таня. — Скажи, что нельзя этого делать.

— Хорошо, Танечка, обязательно, — обещает Нина Игнатьевна. Но знает: сколько ни говори — Барышня всё равно по-своему сделает. Настойчивая корова.

Ночной сторож — скотник — очень любит Барышню. Он говорит:

— Пока Барышня на ферме, я и вздремнуть могу, ночь-то длинная, бывает, что и в сон поклонит... При малейшем шуме Барышня голос подаёт, беспокоится. Тут я сразу и бегу, проверяю, порядок навожу.

Идёт Таня по ряду — всех коров рассматривает. Рассматривает Таня коров, а сама из кармашка конфеты достаёт. Развернёт конфету, в рот сунет, а фантик в карман спрячет. На скотном дворе нельзя фантики или бумажки на пол бросать.

Подошла Таня к Кама, смотрит на неё. Кама почти вся чёрная, у неё мало белых пятен.

Потянулась Кама к девочке, как будто попросила, чтобы приласкала её. Не успела Таня погладить Каму, а та — р-раз! — и слизнула языком конфету с ладошки. Хруп-хруп — и съела.

— Вот глупая Кама! Это же шоколадная конфета! — засмеялась девочка.

— Му! — ответила Кама и облизнулась.

Развернула Таня вторую конфету и Кама протянула:

— Видишь, это же конфета...

А Кама прижала уши, вытянула шею и опять слизнула конфету. Съела. Понравилось, снова тянется. Ещё просит.

— Мама, — кричит девочка, — ты только посмотри, что Кама делает!

— Ах ты, Кама-Камушка, да разве можно тебя шоколадными конфетами кормить? Шоколадные конфеты маленьким детям покупают, а ты вон какая большая, — качает Нина Игнатьевна головой и стыдит Каму.

Но с тех пор сама нет-нет и принесёт молодой Кама конфетку, печенье или сладкую булочку.

Довольна Кама. Рада угощению.

И Таня каждый раз стала приносить гостинцы для Камы.

— Ах ты, Кама-сладкоежка! — говорит девочка.

А Кама жуёт конфетку или мармеладку и от удовольствия жмурится. Ну да, сладкоежка — что поделаешь!

„Где же ваши коровы?“

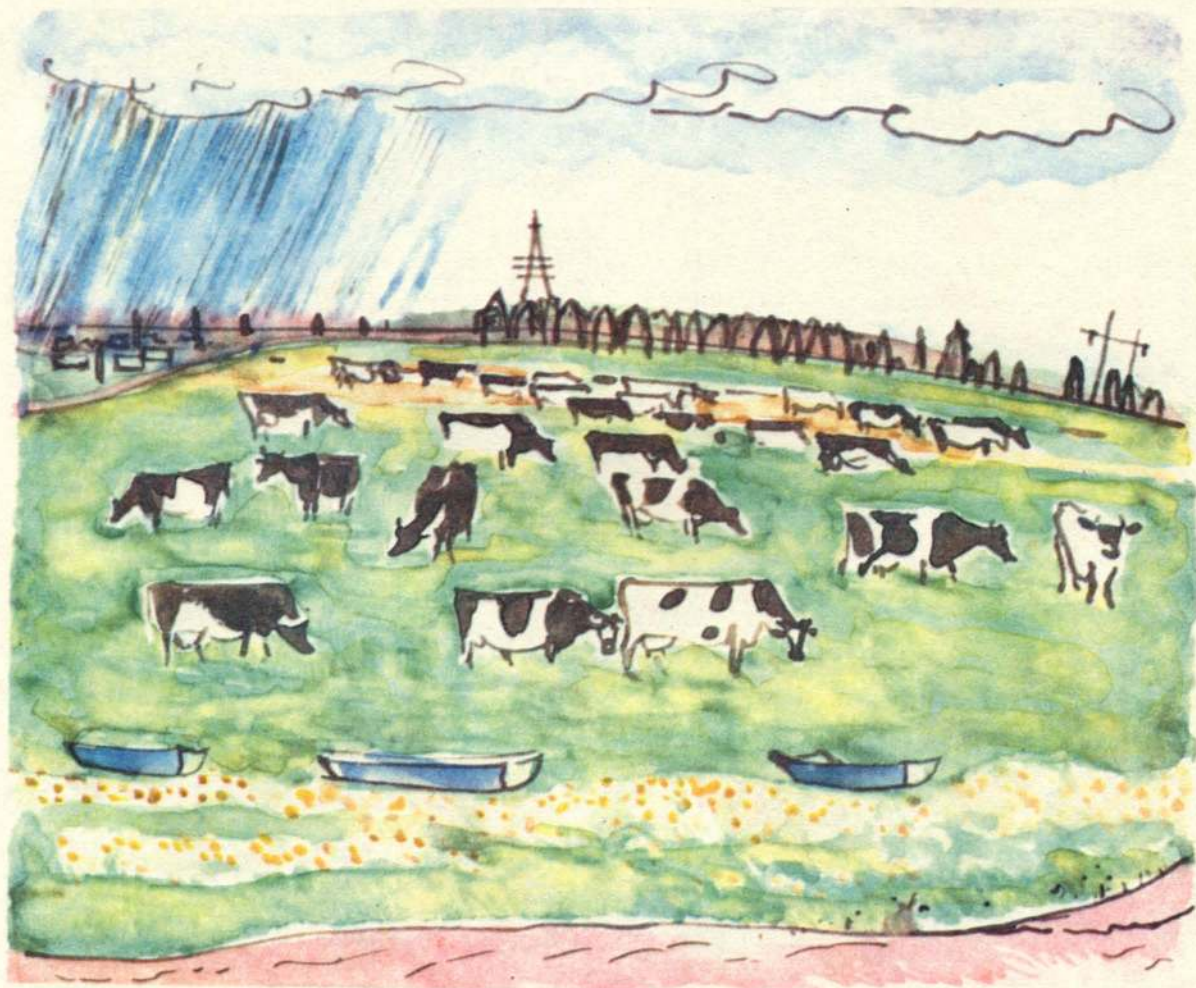
— Мама, — спрашивает Таня, — если коровы пасутся на пастбище, они узнают тебя?

— Конечно, — отвечает Нина Игнатьевна.

— Но ведь там они не ждут от тебя еды, как на ферме?

— Еды от меня не ждут, а мой голос знают.

...Однажды приехал к Нине Игнатьевне человек, который должен

был отобрать коров для соревнования по машинной дойке. А коровы в это время были на пастбище.

Сели в машину, поехали. На пастбище, может, сто, может, двести коров пасётся. Сразу не сосчитаешь. Один пастух знает, сколько. Издалека с первого взгляда все коровы одинаковые, в чёрных и белых пятнах, с рожками, с хвостами. Ходят, траву щиплют.

— Ну, разве тут найдёшь ваших коров? — сказал приезжий. Он вылез из машины, снял соломенную шляпу и лоб вытер. — Вот ведь неудача! Мне сегодня надо обязательно сообщить, каких коров выбрали из вашей группы...

— Что за неудача? — усмехнулась Нина Игнатьевна. — Никакой неудачи не будет. Сейчас отберёте коров... Красавицы мои, красавицы! — позвала Нина Игнатьевна протяжным звонким голосом.

Подняла голову одна корова, затем вторая, третья. Перестали траву щипать, отделились от стада, направились к машине.

— Вот чудеса! — воскликнул человек и засмеялся. — Да зачем мне столько коров? Мне надо только двух, но чтобы по всем показателям подходили... — И он назвал рост, объём вымени, возраст коровы.

— Вы бы так сразу и сказали. — И тут же Нина Игнатьевна хлопала коров по бокам, помахала на них руками, чтобы уходили обратно в стадо.

И снова позвала протяжно, как песню запела:

— Мармеладка, Цветунья...

Подошли к ней две коровы, которые по всем показателям подходили. Осмотрел их приезжий человек, понравились ему коровы. Записал в специальную книжечку их клички.

Сели в машину, только тронулись с места, глядь — Мармеладка и Цветунья вслед за машиной идут. Пришлось остановиться, выйти из машины и уговорить коров в стадо вернуться.

Снова села Нина Игнатьевна в машину, а приезжий и говорит:

— Ну, знаете, давно я на свете живу, много разных разностей видел, а такого, чтобы коров из стада позвать и чтобы они на зов пришли, да ещё чтобы они сзади за машиной шли — такого ещё не видел. Как вам это удаётся?

Пожала Нина Игнатьевна плечами:

— Что ж тут особенного? Всегда так. Знают меня.

В этом соревновании заняла Нина Игнатьевна четвёртое место по району. А потом было третье место, потом — второе. И своих коров на соревновании доила, и чужих — из того совхоза, где соревнование проводилось. С чужими, конечно, труднее, но всё равно Нина Игнатьевна занимала призовые места.

За большие надои молока и за отличную работу имя Нины Игнатьевны Брашкиной было занесено в Книгу почёта.

Как война по пятам ходит

— Мама! Как война по пятам ходит? — спрашивает Таня.

Нина Игнатьевна опустила руки с шитьём на колени и не сразу находит, что ответить.

— Откуда ты знаешь? Кто тебе это сказал? — спрашивает она, желая оттянуть время. А сама думает: «Вот и подросла моя Таня, всю правду хочет знать».

— Мне бабушка сказала, что нашего папу в мирное время война догнала, что она за ним всё время по пятам ходила...

Трудно Нине Игнатьевне рассказывать о своём муже. Пришёл он домой с работы, лёг на диван отдохнуть и больше не встал. Остановилось у него сердце. Навсегда остановилось. Видно, в самом деле война за ним по пятам ходила.

И рассказала Нина Игнатьевна про всю жизнь Таниного папы.

...Таниному папе было всего пять лет, когда началась война. Кроме него в семье было ещё четверо детей. Старшему пришлось время паспорт получать, а самого маленького ещё грудью кормили.

Надел Танин дедушка, которого она знает только по рассказам, солдатскую шинель, обнял свою жену, поцеловал старших детей, каждого по очереди, маленького на руках подержал, а самому старшему положил руки на плечи и сказал:

— Помни, сын, что ты теперь остаёшься вместо меня. Маминой опорой будешь, младших в обиду не давай и защищай от беды, пока я не вернусь.

Сказал так и ушёл. И больше не вернулся. Погиб от вражеской пули.

Жила семья солдата недалеко от границы в небольшом городе.

С каждым днём фронт подходил всё ближе и ближе.

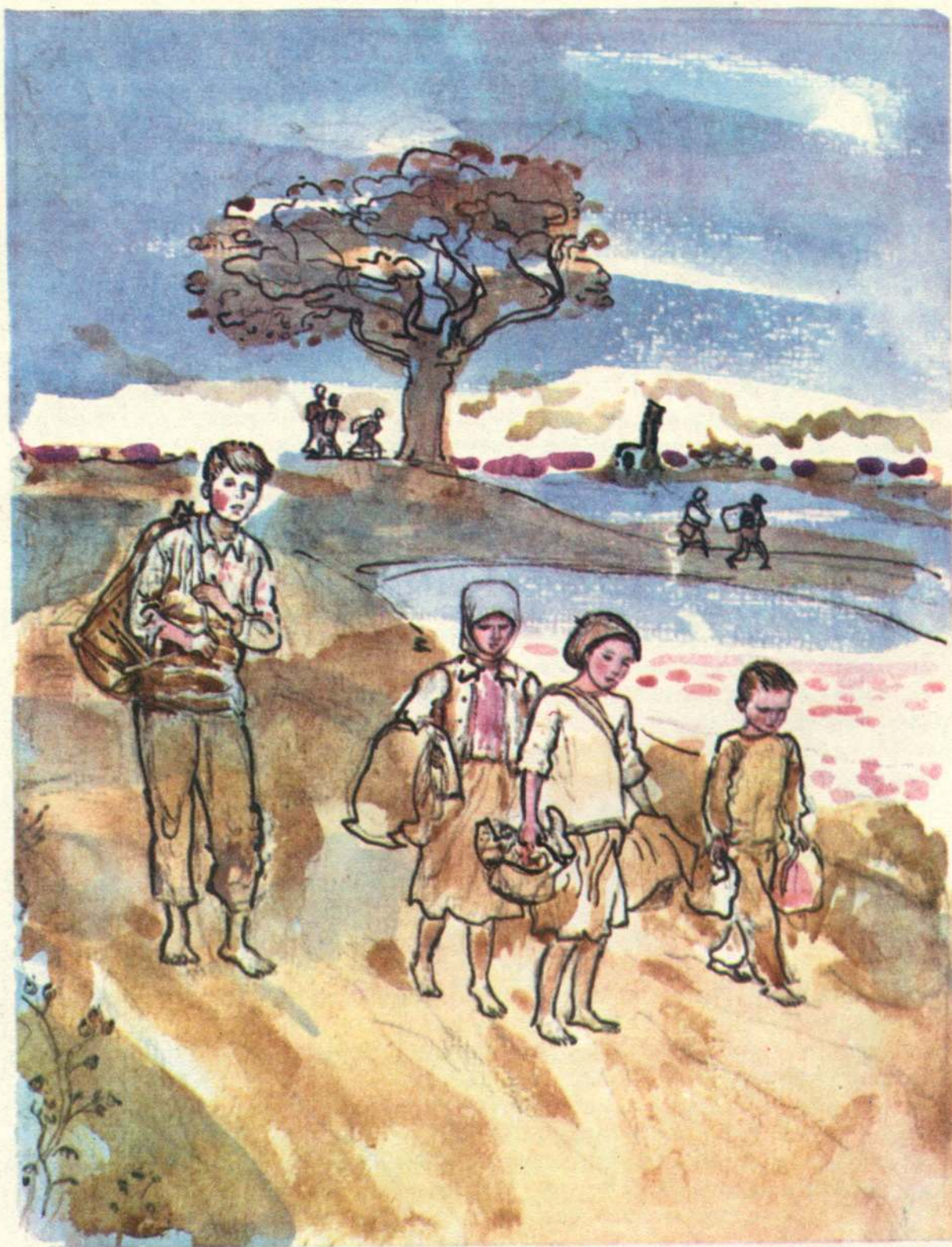
Красным пламенем полыхало по ночам небо на западе. Летали над городом вражеские самолёты.

После каждого налёта горел город, дома разрушались от бомб, убитых и раненых едва успевали из-под обломков вытаскивать.

Летали фашистские самолёты в одно и то же время. Знали жители города, что в это время надо бежать в бомбоубежище.

Но однажды прилетели фашисты не «по расписанию» и сбросили свой смертоносный груз.

В это время вся семья Таниного папы ужинать собиралась. На

тарелках горячая картошка дымилась, возле каждой тарелки лежал тоненький ломтик хлеба. А самого маленького солдатская вдова грудью кормила.

Вдруг раздался взрыв и обрушилась стена дома, и погибли под стеной в собственном доме женщина и ребёнок.

Заплакали девочки, сёстры Таниного папы, а Танин папа хоть и маленький был, но не заплакал. Побледнел, губу закусил.

Встал старший сын, вспомнил, что ему отец-солдат завещал, схватил детей за руки, вытащил на улицу, в огороде между грядок укрыл. А в это время фашисты совсем низко летали, из пулемётов расстреливали тех, кто не успел спрятаться и от страха по улицам бегал.

Так остались дети одни, без отца и матери.

А фашисты уже к городу подходили.

— Надо двигаться на восток, — решил старший солдатский сын. — Эх, убежал бы я на фронт, если бы не отцовское завещание.

Собрали солдатские дети в узелки всё, что могли унести, и пошли по дороге на восток. Идут-идут, устанут. Сядут у дороги, посидят, хлеба пожуют. А когда хлеб кончился, кормились тем, что давали им такие же беженцы, как они.

Ночевали под открытым небом, под кустом или под стогом сена.

Уснул младшие, а старшему не спится, всё свою думу думает. Да ещё боится, что вдруг уснёт, а с младшими какая-нибудь беда случится.

Сидит он однажды ночью, смотрит, как пылает небо на западе, где их дом разрушенный остался. «Наверно, — думает, — фашисты в город вошли, последние дома жгут...» Только так подумал, слышит: рядом кто-то вздохнул. Смотрит — это пятилетний брат.

— Ты почему не спишь? — спрашивает старший солдатский сын.

— А ты почему не спишь? — вопросом отвечает младший солдатский сын, Танин папа.

— Я — мужчина, — ответил старший.

— И я — мужчина, — ответил младший. — Сестрёнки спят, они девочки, а я — мужчина, как ты.

Обнял старший младшего за плечи, прижал к себе и понял, что за две недели повзрослел младший.

Пошли они утром дальше, а война за ними по пятам пошла.

Трудно было солдатским детям уйти от войны.

Когда приходили в чужие деревни, старший солдатский сын ходил по домам и предлагал кому дров наколоть и поленницу сложить, кому воды наносить. Мужчин в деревнях не было, мужчины ушли с врагом воевать. А женщины были рады помощнику.

— Чем же тебе заплатить за работу? — спрашивали они.

— Только накормить, больше ничего, — отвечал старший солдатский сын.

— У самих ничего нет, только одна картошка, — отвечали женщины.

— Хоть картошкой покормите, со вчерашнего дня во рту крошечки не было.

Соглашались женщины. Принимался старший солдатский сын за дело. А когда заканчивал работу, приводил и сажал за стол двух сестрёнок и братишку.

— Что ж ты, милый! — всплёскивали хозяйки руками. — Мы думали, что ты один.

Старший солдатский сын отвечал:

— Меня можете не кормить, я большой, потерпеть могу. Дайте им, они маленькие.

Жалко было людям сирот, всех кормили, ещё и с собой давали.

В одной деревне им особенно повезло. Предложили старшему солдатскому сыну постоянную работу: коров пасти, а за это его кормить должна вся деревня по очереди. Один день в одном доме покормят, второй день — во втором, и так до конца деревни.

Он сразу же согласился. Но предупредил, что с ним — две сестры и брат.

— Не для себя в пастухи нанимаюсь, а для них. О них должен заботиться. Если бы только о себе думал, ушёл бы в армию... — сказал старший солдатский сын.

Подумали-подумали женщины — а они ведь тоже все русские солдаты — и согласились.

А когда старшему брату пришла повестка явиться в военкомат, поцеловал он сестрёнок, положил младшему брату руки на плечи: — Помни, что ты теперь остаёшься вместо меня. Сёстрам опорой и защитой будешь.

И ушёл.

Младший солдатский сын, Танин папа, всю жизнь помнил слова старшего брата. Танин папа был младше своих сестрёнок, но они всегда советовались с ним, считались с его мнением. Он всегда был для них защитой и опорой.

Сёстры помнили, что с ними рядом хоть и маленький, но мужчина, младший солдатский сын.

Трудно было нашей Родине и с врагом бороться, и тыл укреплять. Но никогда не забывала она о детях, которые остались без отца и без матери.

Выросли солдатские дети, образование получили.

Стали они работать, свои семьи завели, а дружба у них осталась на всю жизнь такая же крепкая.

Но война всё по пятам шла. Шла она своими невидимыми тропинками. До тех пор шла, пока не догнала младшего солдатского сына.

Был он уже взрослым, имел двух детей, Серёжку и Таню, но по ночам ему снилось всё, что он в детстве видел. Всё пылало небо на западе, и всё он бежал куда-то, бежал...

Пришёл он раз с работы, лёг отдохнуть и больше не встал. Сердце у него остановилось: слишком много в детстве горя видел, голода и холода перенёс.

Сердце и не выдержало.

Догнала его война...

Что такое депутат?

— Мама, ты теперь депутат? — спрашивает Таня и внимательно рассматривает Нину Игнатьевну: не изменилось ли в ней что-нибудь после того, как за неё весь район — и соседи, и рабочие совхоза, и совсем-совсем чужие люди — великое множество незнакомых людей — голосовали на выборах в Верховный Совет РСФСР.

— Да, депутат, — отвечает Нина Игнатьевна.

— А коров доить ты будешь? — спрашивает Таня.

— Конечно, буду. Почему ты об этом спрашиваешь?

Таня смущается, не знает, как объяснить свой вопрос.

— Ну-ну, говори, — подбадривает её Нина Игнатьевна.

— Я думала, что ты теперь стала депутатом, в Москву поедешь, а коров доить перестанешь. Дети во дворе говорят, что депутат — это всё равно, что член правительства. Будешь ездить в Москву, а коров доить другие будут.

— Глупенькая ты, моя девочка, — говорит Нина Игнатьевна и гладит Таню по голове. — И ребята твои глупыши. Ведь меня выбрали депутатом в Верховный Совет потому, что я хорошо коров дою. Так как же я теперь перестану их доить? Перестану доить, меня люди уважать перестанут, и я перестану депутатом быть. Депутат — это тот, кто хорошо работает. Поняла? А в Москву я буду ездить только на сессии.

Каждый раз, когда Нина Игнатьевна возвращается из Москвы, Таниным вопросам нет конца.

Мама привозит ей, брату Серёже и бабушке Марии Сергеевне всякие подарки.

Показывает фотоснимки — вот они, депутаты, на Красной площади, вот в знаменитом Георгиевском зале, вот группа ленинградских депутатов, а это депутаты сфотографированы с членами правительства.

Смотрит Таня на фотоснимки и не сразу может отыскать маму. Где же мама?

А вот она.

Красивая, нарядная, торжественная. Совсем не такая, как дома.

И оказалось, мама может не только пироги печь, платья шить, комнату оклеивать обоями, коров доить, на собраниях выступать, но ещё такое может, что Тане казалось совершенно невозможным.

Съездила в Ленинград депутат Брашкина — и появился на центральной усадьбе автобус. Новый, красивый, чистый. В автобусе — Таня сама сосчитала — двадцать шесть мест.

Сели дети в новый автобус, поехали в цирк, посмотрели, как медведи на роликах катаются, как под самым куполом цирка воздушные гимнасты раскачиваются и перебрасывают одну циркачку так, что сердце у маленьких зрителей в пятки падает.

Окончилось представление, вышли дети на улицу. А на улице — дождь. Те, кто в Ленинграде живут, побежали скорее на трамвай садиться. А совхозных детей свой автобус ждал. Сели в свой автобус и поехали домой. Хорошо иметь свой автобус!

— Молодец наш депутат! Хорошее дело сделал! — говорят люди. — Теперь мы куда хотим, туда и поедem.

Особенно дети рады. Их не только в цирк, на спектакли да на экскурсии возят, но ещё и в школу.

Далеко школа от центральной усадьбы. Один километр надо пройти да ещё половину километра.

Когда хорошая погода, солнышко светит, иди себе, улыбайся, прутиком помахивай, жмурься от яркого света.

А когда дождик идёт, на дороге грязь, лужи, идти тяжело. Так бы и не пошёл в школу. Остался бы дома, в окошко бы на грязные лужи смотрел... Но в школу идти надо.

И ходили дети: осенью — по грязи, зимой — по снегу, по морозу; метель их с ног валит, снег в валенки забирается.

А когда появился автобус, ходить не надо, садись — и поезжай. Выскочат дети из дома — прыг в автобус!

Поехали!

Замелькают за окнами ёлки, берёзки, лужи, сугробы. В любую погоду весело ехать. Быстро летит автобус. Мягко пружинят кресла.

Хорошо!

Едут дети, смеются, обгоняют пешеходов, машут им руками, и не все дети знают, что этот автобус выхлопотала для них депутат Верховного Совета РСФСР Нина Игнатьевна Брашкина.

Особенно первоклашки думают, что всегда так было!

Золотая Звезда

— Ой, Таня, Серёжа, посмотрите: кто это? — Бабушка Мария Сергеевна развернула только что полученную газету.

Таня перестаёт пить молоко и смотрит на бабушку.

Серёжа соскакивает со стула:

— Где, бабушка?

— Да вот тут в газете, посмотри-ка!

Таня и Серёжа подбегают к бабушке, заглядывают в газету. А в газете мамин портрет. Рядом с портретом написано: «Указ Президиума Верховного Совета СССР».

— Танечка! Серёжа! Радость-то какая! Герой Социалистического Труда! Вот как высоко оценили труд вашей мамы... Да и то подумать — из года в год, из года в год у неё надои рекордные... — Бабушка прикладывает платок к глазам.

— Бабушка, что с тобой? — удивляется Таня. — Никак ты плачешь?

— Это от радости, Таня, от радости. Ты ещё маленькая и не понимаешь, какую профессию выбрала себе ваша мама, не боялась она, что ей трудно будет, не тянулась к лёгкой работе и к лёгкой жизни... Ничего другого не хотела, только с коровами возиться ей нравилось... И вот за это теперь вручат ей Золотую Звезду Героя и самый почётный, самый главный орден — орден Ленина. Да ещё и золотую медаль «Серп и молот». — Бабушка ещё раз поднесла платок к глазам. Потом улыбнулась Тане и Серёже: — Побежим-ка скорей на почту, подадим-ка маме телеграмму. Ну-ка, дети, ищите конверт с маминым адресом...

Вот и конверт с адресом Нины Игнатьевны: Крым, Ливадия...

Нина Игнатьевна уехала в отпуск, купается себе в Чёрном море, новых сил набирается.

А в Крыму, в Ливадии происходило в это время вот что.

После завтрака отправилась Нина Игнатьевна на море. Поплавала, покупалась, позагорала. Ещё смуглее стала. Хорошо к ней заггар пристал — ровно, красиво.

Идёт Нина Игнатьевна с пляжа, полотенцем махровым помахивает. Пришла к себе в комнату, переоделась. Посмотрела на часы — пора обедать идти.

Вошла в столовую, видит: на её столе большой букет цветов в вазе стоит. На других столах нет букетов, а на её столе — букет.

«Наверное, у кого-нибудь из моих соседей по столу сегодня день рождения, — подумала Нина Игнатьевна. — А у кого? Кого надо поздравить?»

Вот и вся столовая заполнилась. Сидят за столами люди, ждут, когда им суп подадут. Смотрит Нина Игнатьевна, никто не похож на именинника. А суп всё не подают, медлят почему-то.

Но никто не требует обеда, все улыбаются и на Нину Игнатьевну поглядывают. Она тоже улыбается. А чему улыбается, сама не знает. Просто так, вместе со всеми.

Тут входят в столовую директор Дома отдыха, главный повар и ещё несколько человек. В руках у директора газета, у повара на блюде — пирог, красивый, большой, круглый.

— Внимание! — говорит директор. И сразу все замолкают.

Тишина наступила.

И прочитал директор Указ Президиума Верховного Совета СССР. Все стали хлопать в ладоши, а кто-то даже крикнул: «Ура!»

Бросились все к Нине Игнатьевне, стали обнимать её и целовать, а повар поднял блюдо с пирогом над головой и просил испуганным голосом:

— Товарищи, товарищи, пожалуйста, поосторожнее, а то пирог опрокинете, красоту испортите...

Когда отошли люди от Нины Игнатьевны, поставил повар пирог на стол.

Разволновалась Нина Игнатьевна от неожиданности, встала и сказала:

— Спасибо вам! — И поклонилась — и директору с газетой в руках, и повару в белом колпаке, и всем-всем, кто поздравил её. Хотела она ещё что-то сказать, да перехватило у неё от волнения горло. Так ничего больше и не сказала, слишком неожиданной для неё оказалась эта радость.

Ещё раз сказала: «Спасибо!» — и стала большой пирог на порции резать, чтобы всем в столовой хватило.

А в совхозе в это время митинг собрали.

Пришли на митинг бабушка Мария Сергеевна, которая двадцать пять лет дояркой работала, а потом на пенсию вышла, Серёжа в наглаженном пионерском галстуке и Таня в новом платье.

Стали в сторонке, стесняются от того, что на них все смотрят.

А к ним разные люди подходят и руки жмут. И Марии Сергеевне, и Серёже, и Тане.

— С чем нас-то поздравляют, бабушка? — спрашивает Таня.

— С тем, что моя дочь, а твоя мама, такая знаменитая теперь. Меня благодарят за то, что я такую дочь вырастила, а вас за то, что не мешаете маме делом заниматься...

— Мария Сергеевна, выступите с трибуны, расскажите про вашу дочь, — просят бабушку разные люди.

— Вы же её сами знаете не хуже меня, — отвечает бабушка и не идёт на трибуну. «Что же это я своей дочерью хвалиться буду? — думает она. — Для меня моя дочь всегда лучше всех. Пусть её чужие люди хвалят. Им со стороны видней. А я послушаю...»

Многие люди поднимались на трибуну, говорили о прекрасной доярке Нине Игнатьевне Брашкиной, мастере своего дела и прекрасном и верном товарище. И сами обещали равняться на неё и работать ещё лучше.

А когда Нина Игнатьевна из Крыма вернулась, вручили ей Золотую Звезду, и Золотую медаль, и орден Ленина.

Полдня ходила Нина Игнатьевна с наградами. А потом переоделась, села на велосипед и помчалась на ферму. Уж очень она соскучилась по своим коровам — по Амбе, Барышне, Балалайке, Тине, Каме...

Подошло время коров доить.

Танки на ферме!

— Танки на ферме! Танки на ферме! — Таня вбежала в комнату и схватила маму за руку. — Пойдём скорей! Пойдём скорей! На нашей ферме танки!

— Ну что ты так расшумелась? — улыбнулась мама. — Я знаю, что на нашей ферме танки. Их установили несколько дней назад.

— Настоящие танки? — спросила девочка.

— Их только так называют. Это совсем другие танки, не такие, как ты подумала. Это просто название такое для огромной цистерны с молоком... Теперь, при машинной дойке, молоко сразу поступает в молокопроводы, а потом в эти танки...

... Много изменилось за последнее время на ферме. Когда-то Танина бабушка доила коров руками, потом появились машинные аппараты, Нина Игнатьевна доила уже машиной, но долгое время приходилось ей ворочать тяжёлые бидоны с молоком. Потому что молоко сначала поступало в ведра, а потом из ведёр его переливали в бидоны, а из бидонов перекачивали в машины и развозили — на молочный завод, в город, в детские сады...

Богател совхоз. Теперь он мог приобрести более современную технику, устроить на ферме молокопровод. Молоко прямо из коровьего вымени поступает в молокопровод и по молокопроводу идёт в танк.

Это — самый мирный танк на земле. Он не двигается и не стреляет. В нём — свежее парное молоко. Из этого танка молоко перекачивается прямо в машину с жёлтой цистерной. На боку цистерны так и написано: МОЛОКО. Бегут эти машины из совхоза по шоссе дорогам к городу, а потом по городским улицам. Нет человека, который бы не видел такую машину. И ты её видел, не правда ли?

Нина Игнатьевна теперь не просто доярка, а оператор машинного доения.

За что тебе спасибо говорят?

Пришла Таня с мамой по делам в соседнюю деревню. Дела были у мамы, а Таня пошла просто так.

Идут по деревне. Навстречу им мужчина.

Увидел Нину Игнатьевну, поздоровался. А потом сказал:

— Большое вам спасибо, всё у меня теперь хорошо.

— Ну что вы, что вы! Не за что меня благодарить, я свой долг выполняла, — смутилась Нина Игнатьевна.

Идут дальше.

Навстречу им женщина.

Остановилась женщина. Поздоровалась и говорит:

— Большое вам спасибо, Нина Игнатьевна. Теперь у меня всё хорошо.

— Что вы, что вы... — ещё больше смутилась Нина Игнатьевна. — Я свой долг выполняла, ничего такого особенного не сделала.

Идут дальше. Навстречу ещё одна женщина. И тоже поздоровалась и спасибо сказала.

— За что тебе спасибо говорят, мама? — спрашивает Таня.

И рассказала Нина Игнатьевна, что эти люди обращались к ней за помощью. И она им помогла.

Мужчина, который им встретился, демобилизовался из армии, к отцу приехал. Отец его раньше в другом месте жил. А пока сын в армии служил, отец в совхоз «Красногвардейский» переехал. Не хотели демобилизованного солдата в совхоз принимать, не было у него комнаты. Пришёл он к Нине Игнатьевне, поговорила с ним Нина Игнатьевна, показался он ей человеком хорошим, в армии благодарности от командиров имел. Значит, и в совхозе будет хорошо работать.

Поняла Нина Игнатьевна, что директор совхоза разговаривал с солдатом невнимательно, в спешке. Солдат ничего не успел объяснить как следует, и в просьбе ему отказали. Пошла сама к директору совхоза, рассказала всё, что знала о солдате и о его отце, о том, что он сюда переехал из другого места, что солдат пока у отца будет жить.

— Вон оно что! — всё понял директор совхоза. И стал солдат в совхозе работать.

А первая женщина, которую они встретили, это — жена солдата. Она вместе с ним приехала и очень расстроилась, когда её молодого мужа не приняли в совхоз.

Теперь эта женщина воспитательницей в детском саду работает, вот она и сказала Нине Игнатьевне спасибо за то, что она помогла её мужу на работу устроиться и ещё больше укрепила в ней веру в то, что её муж — хороший человек.

— А вторая женщина за что тебе спасибо сказала? — спрашивает Таня.

Рассказала Нина Игнатьевна и о просьбе этой женщины.

Работала она на птицеферме. Семья у неё, дети. Жили в маленькой комнате, тесно, неудобно. Просила женщина выделить ей квартиру. Пообещали, что дадут, а когда стали распределять, оказалось, что квартир мало, не достанется этой женщине.

Расстроилась женщина и пришла к своему депутату, к Нине Игнатьевне. Рассказала ей всё как было.

Пошла Нина Игнатьевна в комиссию, которая распределяет квартиры. Попросила проверить все списки и ещё раз посмотреть, кто больше всего нуждается в улучшении жилья. Оказалось, что в списки попала семья, у которой и комната побольше и детей поменьше, чем у той женщины. Решили этой семье выделить квартиру в следующий раз.

А птичница со своими детьми справилась новоселье в новом доме.

После этого стала она работать ещё лучше.

С разными делами и просьбами приходят люди к своему депутату. Всех надо выслушать, каждому помочь.

Вот и говорят люди спасибо за то, что помогла Нина Игнатьевна квартиру получить, на работу устроиться, за то, что новый автобус в совхозе появился, за то, что коровы у неё хорошие, здоровые, за то, что они много молока дают. И Миша говорит спасибо за то, что с Ниной Игнатьевной рядом работает, передовой опыт перенимает, учится у неё трудиться и жить.

И зоотехник, и бригадир говорят Нине Игнатьевне спасибо за то, что она точно выполняет все их указания.

И директор совхоза говорит спасибо за то, что Нина Игнатьевна своей работой другим пример показывает, за то, что своими делами прославляет родной совхоз.

И мы все говорим спасибо Нине Игнатьевне и таким людям, как она, за то, что у нас на столах и сметана, и творог, и сыр, и сладкие сырки, и молоко. Ведь если бы не было молока, то и мороженого дети не имели бы! Ведь и мороженое делают из молока и сливок.

Вот за что говорят спасибо Нине Игнатьевне Брашкиной.

ОГЛАВЛЕНИЕ

КАК МАМА БЫЛА МАЛЕНЬКОЙ	2
ПО ТРОПИНКЕ ВСЛЕД ЗА МАМОЙ	5
А КОРОВЫ-ТО ВСЕ РАЗНЫЕ!	8
ПЕРВЫЕ МАМИНЫ КОРОВЫ	11
ВОТ ТАК МАМА!	14
КАК ЗАСКУЧАЛИ КОРОВЫ	17
ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО	20
ДЕТСКИЙ САД ДЛЯ ТЕЛЯТ	23
ЖУЖЖИТ, А НЕ КУСАЕТ	26
СПАСИТЕ ГИТАРУ!	29
МИШИН ТАЛАНТ	33
ПОХИЩЕНИЕ НЕЛЬКИ	36
КОРОВЬЕ МЕНЮ	39
КОРОВЬИ ХАРАКТЕРЫ	41
«ГДЕ ЖЕ ВАШИ КОРОВЫ?»	44
КАК ВОЙНА ПО ПЯТАМ ХОДИТ	47
ЧТО ТАКОЕ ДЕПУТАТ?	53
ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА	55
ТАНКИ НА ФЕРМЕ	59
ЗА ЧТО ТЕБЕ СПАСИБО ГОВОРЯТ?	60

*Для старшего дошкольного и
младшего школьного возраста*

Полякова Надежда Михайловна

ЗА ЧТО СПАСИБО МАМЕ ГОВОРЯТ

Ответственный редактор Д. Б. Колпакова.

Художественный редактор В. Г. Смирнов.

Технический редактор Т. С. Тихомирова.

Корректоры К. Д. Немковская и
В. Г. Шишкина.

ИБ 372

Сдано в набор 14/IX 1976 г. Подписано к печати 25/I 1977 г.
Формат 84 × 108^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 4. Усл. п. л.
6,72. Уч.-изд. л. 5,16. Тираж 150 000 экз. Заказ № 268. Цена
55 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Зна-
мени издательства «Детская литература». Ленинград, 192187,
наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграф-
прома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по
делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

© Издательство «Детская литература», 1977 г.

70801—120

П—————63—77

M101(03)—77

55 коп.

